

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

А.А. СИНДЕЕВ

**ПОДХОДЫ
ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ
К БУДУЩИМ СИСТЕМАМ
БЕЗОПАСНОСТИ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2024

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

А.А. Синдеев

**ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ
ПОЛИТОЛОГОВ К БУДУЩИМ
СИСТЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ**

**Доклады Института Европы
№ 414**

Монография

**Москва
ИЕ РАН
2024**

УДК 327-049.5(100)
ББК 66.4(0),30
С38

Редакционный совет:
Н.Б. Кондратьева (председатель), А.И. Бажан,
В.Б. Белов, О.В. Буторина, К.Н. Гусев, П.Е. Кандель,
Р.Н. Лункин, О.Ю. Потёмкина

Редактор Е.В. Дрожжина

Рецензенты:
Лункин Роман Николаевич, д.полит.н., Институт Европы РАН
Штоль Владимир Владимирович, д.полит.н., журнал «Обозреватель –
Observer»

Тема НИР FMZS-2024-0001
«Трансформация европейской системы безопасности.
Отношения России с участниками европейской системы
безопасности и евроатлантическими институтами
(ЕС, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ) (2024-2026 гг.)»

Синдеев А.А. Подходы европейских политологов к будущим системам безопасности = Approaches of European political scientists to future security systems : [монография] / А.А. Синдеев. – М.: Ин-т Европы РАН, 2024. – 108 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 414). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-222-8. – EDN: VZWHYJ. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82024_414.

В монографии выделены и проанализированы структурные элементы будущих систем безопасности, предложенные российскими, швейцарскими, австрийскими, немецкими и итальянскими политологами с июня 2022 г. до октября 2024 г. С помощью данных элементов автор сформулировал актуальные варианты «консенсусных систем» и систем с доминированием различий. Монография предназначена для интересующихся региональными и глобальными проблемами.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82024_414

© ИЕ РАН, 2024

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

A.A. Sindeev

**APPROACHES OF EUROPEAN
POLITICAL SCIENTISTS
TO FUTURE SECURITY SYSTEMS**

Reports of the Institute of Europe

№ 414

Monography

Moscow

IE RAS

2024

Аннотация

В монографии выделены и проанализированы структурные элементы будущих систем безопасности, предложенные российскими, швейцарскими, австрийскими, немецкими и итальянскими политологами с июня 2022 г. до октября 2024 г. С помощью данных элементов автор сформулировал актуальные варианты «консенсусных систем» и систем с доминированием различий. Полученный результат позволяет участвовать в управлении процессом создания систем безопасности. Монография предназначена для интересующихся региональными и глобальными проблемами.

Annotation

The monograph identified and analyzed structural elements of future security systems. These elements are contained in the scientific works of Russian, Swiss, Austrian, German and Italian political scientists in the period from June 2022 to October 2024. Based on the elements, current variants of security systems with dominant consensus tendencies and with dominant differences have been formulated. The result makes it possible to control the development of future security systems. The monograph may be of interest to those concerned with regional and global problems.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Проблемы миропорядка: система и (или) хаос.....	9
Глава 2. Преодоление универсальности.....	24
Глава 3. Трансформационные процессы.....	38
Глава 4. Эволюция подходов к нейтралитету.....	53
Глава 5. Германский стратегический узел.....	62
Глава 6. Итальянский стратегический узел.....	72
Глава 7. Системы различий.....	79
Глава 8. «Консенсусные системы».....	91
Заключение	96
Литература	98
Об авторе	105

CONTENTS

Introduction	7
Chapter 1. Problems of the world order: system and (or) chaos.....	9
Chapter 2. Overcoming Universality.....	24
Chapter 3. Transformation Processes.....	38
Chapter 4. Evolution of approaches to neutrality.....	53
Chapter 5. German strategic node.....	62
Chapter 6. Italian strategic node.....	72
Chapter 7. Systems of differences.....	79
Chapter 8. «Consensus systems».....	91
Conclusion	96
Literature	98
About the Author	105

Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы этого движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений.
Л.Н. Толстой. *Война и мир*. Т. 3. Ч. 3

ВВЕДЕНИЕ

Политологию можно понимать либо как систему отдельных политологических взглядов, точек зрения, научно обобщённый и систематизированный политолографический нарратив, либо как сумму политологических направлений. В первой трактовке подразумевается, что авторы свободно выбирают проблемы, реализуют исследовательские программы, обнародуют результаты, которые со временем будут систематизированы в рамках политолографических исследований.

В свою очередь, политологическое направление – это формальное или неформальное объединение политологов, развивающих определённый комплекс идей. В отличие от первой трактовки, акцент сделан на временные, постоянные, открытые и закрытые институциональные структуры, равноценные относительно конечного результата – получаемого в них интеллектуального продукта.

Обе трактовки позволяют фиксировать происходящие в политологии процессы комплексно в рамках определённых интеллектуальных пространств, которые в настоящее время представляют собою национально и государственно ориентированный феномен, где происходит постоянное «концептуально[е] переосмыслени[е] <...> больши[х] пласт[ов] современных представлений о природе политических, экономических, социальных процессов на глобальном, региональном и локальном уровнях», присутствуют как научно обоснованные позиции, так и точки зрения, «становя[щиеся] популярными благодаря своей простоте, эмоциональной заряженности и прямолинейности»¹.

---

¹ Громько Ал.А. Мировая пересборка: эмпирические данные в концептуальном поиске. Европейский ракурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 211.

Исходя из этого, изучение безопасности и связанных с ней процессов распадается на множество национальных, в том числе и политологических, подходов, а происходящие трансформации позволяют констатировать, что пересматриваются не только содержательное наполнение безопасности, но и политика безопасности.

Иными словами, на место единого «классического» подхода с военно-техническим сдерживанием и контролем над вооружениями приходят сложные составные подходы, в которых безопасность может пониматься широко как «защита политической и экономической стабильности», «защита общества и государства» не только военными средствами.

Картина поиска новых подходов к безопасности станет более сложной, если сопоставить и сравнить несколько национальных политологических школ, проанализировать их содержание. К тому же, продолжение поиска означает, что сопоставление, сравнение и анализ являются лишь временным пониманием его состояния и направления. Объективность поиска не позволяет сформироваться системам безопасности в окончательном виде².

В связи с этим возникает вопрос о целесообразности научной фиксации этапов поиска и размышления о системах. С нашей точки зрения, это целесообразно делать лишь при условии анализа проблемных комплексов, выделения их элементов и представления с их помощью предположительных (потенциальных) вариантов систем безопасности, поскольку тогда существенно возрастает понимание сути развития феномена, появляет-

---

² Об объективных чертах см. тезисы Ал.А. Громыко: «Определяющую роль в современном мире играют крупномасштабные и объективные процессы, в первую очередь становление полицентризма и новое перераспределение сил между ведущими центрами влияния. Нарастают конкуренция и противостояние, геополитическое соперничество возведено рядом влиятельных стран в ранг национальной стратегии <...>. Складывается парадоксальная ситуация, когда увеличение в условиях углубляющегося полицентризма количества трансрегиональных субъектов международных отношений, претендующих на часть ответственности за состояние дел в мире, пока не ведёт к стабилизации системы глобального управления и регулирования» (Европа между трёх океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. С. 10-11).

ся возможность либо наблюдать за интеллектуальными результатами, углубиться в упомянутые Л.Н. Толстым особенности «абсолютной непрерывности движения» и в то, что он предпочёл не заметить, – в цикличность; либо, а это уже важно для органов государственной власти, – управлять процессом.

Точка зрения фиксатора и аналитика не должна иметь значения, поскольку его задача не вступить в научный спор с другими авторами, а суммировать полученный ими результат, представить варианты соединения элементов, то есть выполнить генерирующую функцию, показать новые возможности.

Различия и сходства имеют одинаковое значение как по причине их объективного присутствия в интеллектуальном пространстве, так и с точки зрения влияния на становление систем безопасности. В интеллектуальном плане разница между ними вторична. Ведь они – это лишь «объяснительная модель», позволяющая политологам выявлять генетические взаимосвязи, переходить от простого к более сложному состоянию систем, не теряя при этом контроль над происходящим.

Таким образом, данная работа знаменует собой начало концептуального анализа подходов разных национальных школ к будущим системам безопасности. При этом имеется и другая возможность – отказаться от обобщающего анализа и ограничиться знакомством с отдельными интеллектуальными продуктами³.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМЫ МИРОПОРЯДКА: СИСТЕМА И (ИЛИ) ХАОС

1.1. Концепция С.А. Караганова

Современный Запад переживает кризис. Капиталистическая модель, «основанн[ая] <...> на получении прибыли», избыточном потреблении, создающая «[в]ал бессмысленной информации»⁴, требующая значительных энергозатрат и не способная

---

³ См.: Ежемесячный мониторинг глобальных стратегических трендов по материалам зарубежных аналитических центров, выпускаемый Институтом мировой военной экономики и стратегии НИУ ВШЭ («GS trends»).

⁴ Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, №1. С. 52-64. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64

решать глобальные проблемы, исчерпала себя.

Закономерным результатом кризиса являются «нарастающая борьба за ресурсы», «рост социального неравенства»; «деградация человека и общества»; навязывание «античеловечески[х] или постчеловечески[х] идеологи[й], ценност[ей] и <...> поведения»; «утрат[а] стратегического мышления у европейских элит»⁵.

Внутренние западные проблемы переносятся на международные отношения и вместе с накопленными годами трудностями и задачами («обветшавшая структура ООН», развал в ходе расширения НАТО системы безопасности в Европе) ведут к «[в]озобновлени[ю] жёсткого соперничества великих держав», заставляют «США и союзников скол[ачива]ть антикитайские блоки в Индо-Тихоокеанском регионе, [готовиться к] борьб[е] за контрол[ем] над морскими путями»⁶.

В прошлом НАТО был «систем[ой] безопасности, игравш[ей] в значительной степени стабилизирующую и балансирующую роль». Однако «серия агрессий» и участие натовцев в «войне на Украине» изменили природу альянса: он «превратилась в блок»⁷.

В течение ближайших десяти лет «уход США, теряющих интерес к стабильности» в Европе, становится неизбежным⁸. Европа «будет валиться обратно к привычному состоянию нестабильности и <...> источника конфликтов»⁹. Это не утешит американцев. Они сами будут «провоцировать нестабильность и конфликты» в различных регионах мира¹⁰, будут фактором риска для многих стран.

«Понимание тупиковости нынешней модели развития», «нежелание и неспособность отказаться от неё», «дефицит механизмов поддержки безопасности», «нерешаемые вызовы», становление альтернативных «организаций, институтов, маршрутов», «быстрое <...> перераспределение сил <...> в пользу поднимавшегося Мирового большинства», американская «менталь-

---

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

н[ая] парадигм[а] имперского доминирования» усиливают настрой на конфликты¹¹, подпитывают враждебность Запада и его «политику удушения России»¹². По этим причинам США «подрывают глобалистскую систему, которую сами и создали», возводят «железный занавес почище прежнего»¹³. Начинается «новая качественная <...> и количественная гонка вооружений»¹⁴. Вооружённые конфликты и войны «могут неизбежно возникнуть почти повсеместно»¹⁵.

В новых условиях России необходимо сосредоточить приоритетное внимание на решении национальных задач: «Требуется новая внешняя политика, новые приоритеты внутреннего развития страны, новые приоритеты для общества, для каждого ответственного гражданина Отечества и мира»¹⁶.

В основе данной политики находится концепция «крепость России», «максимально возможн[ая] самостоятельност[ь], суверенитет[т], защищённост[ь], независимост[ь], концентраци[я] на внутреннем развитии»¹⁷. Концепция предполагает «невовлечение[е] в конфликты» при условии неповторения «украинск[ого] провал[а], когда к власти в сопредельных странах приходят антироссийские элиты или они дестабилизируются извне»¹⁸.

Концепция «крепость России» направлена на «развитие в обществе оборонного сознания, готовност[ь] защищать Отечество, в том числе и с оружием в руках»¹⁹. Данная концепция предусматривает «наступательн[ую] <...> идеологическ[ую] политик[у]»²⁰, формирование устойчивых представлений о «цивилизации цивилизаций» – России как одном «из последних оплотов классической Европы» – «оплот[е] противостояния нео-

---

¹¹ Там же.

¹² Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, №5. С. 6-18. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18

¹³ Караганов С.А. Век войн? Статья первая...

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, №2. С. 37-52. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-37-52

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

колониализму, свободного развития цивилизаций, культур»²¹.

Концепция предполагает проведение «современной мобилизации», поскольку «страна, граждане, бизнес должны быть готовы к десяти-двадцати годам жизни и развития в условиях нарастающего международного хаоса, разрыва привычных связей, экономической, информационной и человеческой деглобализации»²².

Во внешнеполитической части концепции предлагается построить «всесторонн[и]е <...> отношени[я] со странами Мирового большинства» (МБ), содействовать «с партнёрами по МБ максимально мирн[ому] ухо[ду] Запада с доминирующих позиций», сформировать «интернационализм, культурную и религиозную открытость», вести, «совместно с МБ», «активную борьбу за мир», за «новы[е] институт[ы], которые помогали бы [созидать] новый мир, предотвращали или хотя бы тормозили сползание к череде кризисов»²³.

Организация Объединённых Наций характеризуется как «уходящая натура, засиженная западническим аппаратом и поэтому не реформируемая»²⁴. Не случайно преимущества от двусторонних отношений должны получить те «страны, которым выгодно и полезно взаимодействие с Россией и которые руководствуются реальными национальными интересами»²⁵.

Безопасность перестаёт быть узкорегionalной и превращается из привычной системы безопасности в «системы сотрудничества и безопасности»²⁶. Системы рекомендовано «строить в рамках континента будущего – Большой Евразии»²⁷. В концепции важен тезис о том, что «[с]амый большой вклад России в формирование нового миропорядка» – это «успешно развиваться самой и гарантировать стабильность в Евразии, вопреки мировым потрясениям»²⁸.

---

²¹ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству...

²² Там же.

²³ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая...

²⁴ Там же.

²⁵ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству...

²⁶ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая...

²⁷ Там же.

²⁸ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству...

В условиях войны НАТО против России и с целью устранения «стратегического паразитизма» («потери страха перед ядерной войной»), воздержания от нежелательных для России действий, «[р]оссийская политика должна гласно исходить из того, что НАТО – враждебный блок <...>. Поэтому любые, в том числе упреждающие ядерные удары по нему морально и политически оправданны»²⁹. В связи с этим «целесообразно вести дело к ограничению мощи ядерных боеприпасов снизу», изменить «спис[ок] целей для ядерных ударов возмездия»³⁰.

В концепции допускаются возобновление испытаний ядерного оружия и пересмотр политики его нераспространения, поскольку «[п]олицентричный и устойчивый миропорядок будущего не наступит без ядерной многосторонности»³¹. Контролируемое распространение способно послужить «восстановлени[ю] переставших действовать функций ядерного сдерживания – <...> предотвращения больших войн с применением обычных вооружений <...> и гонки обычных вооружений»³².

Особую роль в российской внешней политике призван сыграть Китай, «главный внешний ресурс [российского] внутреннего развития, союзник и партнёр на обозримую перспективу»³³. Одновременно с этим не допустима «односторонняя экономическая зависимость»³⁴.

В контексте устранения односторонней зависимости нужно, по всей видимости, понимать следующее уточнение: «Китай и Россия – взаимодополняющие державы. Их коалиция <...> с годами способна стать определяющим фактором строительства

---

²⁹ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая...

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же. Возражения А.Г. Оганесяна заключаются в следующем: «[Д]аже неядерный конфликт, ограниченный, казалось бы, сугубо региональными рамками, стремительно глобализируется»; «мы не можем достоверно спрогнозировать цепную реакцию <...> применения при любом виде заряда и на любом уровне эскалации»; в отношении мышления западных элит, по всей видимости, «имеем дело с инвалидным сознанием, которому несвойственны рациональные и ответственные решения» (Оганесян А.Г. Ядерная доктрина – «живой инструмент» // Международная жизнь. 2024. №6. С. 13-14).

³³ Караганов С.А. Век войн? Статья вторая...

³⁴ Там же.

новой мировой системы»³⁵. Дополнительным «гарантом относительно мирного развития Большой Евразии» являются контакты в «примаковском треугольнике Россия–Китай–Индия»³⁶.

После смены нынешних элит США «могут превратиться <...> в относительно конструктивный балансир мировой системы»³⁷. У России «нет глубинных противоречий» с США, поэтому «[к]омплексная стратегия сдерживания <...> не нужна – она ведёт к растрате ресурсов, необходимых для внутреннего возрождения»³⁸. Изменения политики США и стран Запада «вероятны только через три-четыре электоральных цикла, если и когда там произойдёт полноценная смена политического поколения»³⁹.

С.А. Караганов выступает за «качественное укрепление системы обратной связи между властью и обществом, управленческим аппаратом и мыслящими элитами»⁴⁰.

1.2. Концепция Д.В. Тренина

Украинский конфликт не привёл к «[ж]естко[му] раскол[у] мира на два лагеря», поскольку «[э]кономическая система <...> в основном управляется западными глобалистскими силами»⁴¹.

Однако «[г]лобальная гегемония США/Запада <...> завела в тупик мировое развитие и вызвала геополитическую революцию»⁴². В результате появился «нов[ый] феноме[н] – Мирово[е] большинство[о], стремяще[е]ся к достижению политической самостоятельности или <...> к военно-политической автономии», а в идеале – «к подлинной суверенизации»⁴³.

Мировое большинство не однородно. В него входят, например, страны («прежде всего Россия, Китай и Иран») – «активны[е] участник[и] борьбы за будущий миропорядок», за проект «освобождения всего мира <...> от гегемонии единственной державы, Соединённых Штатов», за «выстраивание новой ин-

---

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству...

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Тренин Д.В. Не «против», а «за» // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №5. С. 56-68. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-56-68

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

фраструктуры миропорядка, контроль над которой станет сетевым, распределённым между многими участниками» в рамках полицентричной модели «многосторонне[го] взаимодействи[я] суверенных государств и цивилизационных платформ», за реформирование ООН и одновременно с этим – за «столпы формирующейся Большой Евразии»⁴⁴.

В полицентричной модели («новой инфраструктур[е] мироустройства») придётся считаться с «рос[том] транзакционных издержек, повышен[ой] волатильност[ью], проблем[ами] сбережения»; предстоит осуществить разработку общей повестки дня «в таких областях, как содействие развивающимся государствам, цели устойчивого развития, глобальная продовольственная безопасность, окружающая среда и климат и других», а также обеспечить поддержку «в элитах соответствующих стран <...> программы строительства нового миропорядка с максимальным учётом российских интересов»⁴⁵.

Необходимо будет учесть особенности и программы национального развития партнёров, «их интерес[ы], проблем[ы] и устремлени[я]», находящиеся «в логике развития»⁴⁶.

Противодействие Запада примет затяжной характер; «новые, устраивающие [Россию] отношения с Европой и англоязычными странами могут выстроиться только в результате победы России в идущей сейчас гибридной войне»⁴⁷.

России потребуется провести «масштабный манёвр кадровым потенциалом и разнообразными материальными ресурсами»⁴⁸, подготовить стратегию партнёрства с Китаем на основе «поддержани[я] стратегической стабильности в двусторонних отношениях <...>; развити[я] стратегического взаимодействия <...>; ме[р] укрепления взаимного доверия в военной и гражданских областях», используя ресурсы на западном направлении лишь для «противоборства с США и их союзниками»⁴⁹.

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Тренин Д.В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. №4. С. 74-86. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-74-86.

Приоритетной должна стать политика стратегического сдерживания, «предотвращени[я] внешних угроз жизненно важным интересам России как нации, государства и цивилизации», реализуемая на принципах «сочетания необходимого потенциала», «возможностей», «достаточной решимости», «комплексности», «системности» и «пространственной ориентации» как в доконфликтные периоды, так и после наступления конфликтов⁵⁰.

В идеале «[с]тратегическое сдерживание [должно] включа[ть] военную составляющую (ядерную и конвенциональную), пространственное измерение (геополитика, геоэкономика и другие функциональные сферы: киберсреда, космос и т.д.) и коалиционную компоненту (взаимодействие с дружественными государствами)», учитывать «динамику развития международной обстановки и переменчивость отношений между государствами в целом»⁵¹.

В подобном многовариантном сдерживании, с помощью собственной «основанн[ой] на определённой последовательности действий (“лестнице эскалации”))», предстоит продумать реагирование на стратегии «ползучей эскалации <...> конфликт[ов]»⁵².

Суть «ядерного устрашения противника» заключена в понижении «планки применения», в избегании («недопустимости») войны «между ядерными державами», в отказе от трактовки «готовност[и] России к ведению ограниченной ядерной войны <...> с использованием зарядов малой мощности, на территории Европы, вдали от США», в «применени[и] ядерного оружия для предотвращения всеобщей ядерной войны»⁵³.

С целью «отрезать противника» и «принудить его к переговорам» Россия может расширить зону возможного применения ядерного оружия и «призна[ть] государства, пославшие войска, участниками вооружённого конфликта со всеми вытекающими последствиями»⁵⁴.

Парадигма стратегического сдерживания предусматривает

---

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Ср. в п. 1.1 с тезисом о ненужности «комплексного стратегического сдерживания».

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

«контакт[ы] с руководством Соединённых Штатов для доведения до Вашингтона сигналов о серьёзности намерений и одновременно готовности завершить конфликт на условиях, благоприятных для России», что в свою очередь потребует «максимальн[ой] согласованност[и] действий и заявлений», «системы стратегических сигналов»⁵⁵.

В рамках «геополитического сдерживания» важно «не допустить враждебного присутствия по всему периметру российских границ», «выстраивать пояс безопасности и сотрудничества», «пояс мира» – «территори[ю], находящ[ую]ся вне иностранных военных блоков и свободн[ую] от иностранных военных баз»⁵⁶. Для пространственного сдерживания необходимы «политически[е], экономически[е], информационны[е] средств[а] в тесной взаимосвязи с военным сдерживанием – как ядерным устрашением, так и неядерным»⁵⁷.

Самостоятельным направлением сдерживания является «выстраивание международных коалиций для противостояния гегемону и противоборства с ним», значимость которых обосновывается зависимостью «благоприятны[х] услови[й] для развития стран мирового большинства» от успехов «России в противоборстве с американо-западной гегемонией»⁵⁸.

Предлагается, чтобы Россия «инициирова[ла] консультации, диалог, а в будущем – переговоры для выработки под эгидой ШОС континентального соглашения об укреплении стратегической стабильности (в широком смысле) в Евразии – пока без “полуострова Европы”»⁵⁹.

1.3. Последствия украинского кризиса, или сложности многополярности

По мнению Ф.А. Лукьянова, «Россия на Украине решает собственные национальные задачи, вытекающие из российского толкования исторических закономерностей и справедливости»⁶⁰.

---

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Лукьянов Ф.А. Неожиданный индикатор перемен // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №4. С. 5-8. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-5-8

Успех укрепит «авторитет России как державы, способной жёстко и последовательно добиваться своего, <...> несмотря на гуманитарные издержки»⁶¹. Успех «приведёт к необратимым сдвигам в международной иерархии»⁶². Этот результат, с точки зрения Ф.А. Лукьянова, наступит «[н]е столько в смысле подъёма России на более высокую ступень (стране предстоит решить огромное количество внутренних проблем, что ей всегда давалось хуже), сколько [в виде] довольно быстро[го] ослаблени[я] доминирующей роли западных стран»⁶³. И, наоборот, «[н]еспособность России достичь того, чего она хочет, будет означать провал стратегического масштаба»⁶⁴.

Интересно, что «Россия, борющаяся за хотя бы частичное восстановление своего прежнего имперского контура, становится флагманом <...> антиколониального похода»⁶⁵. Однако Ф.А. Лукьянов не уверен, что Россия «готова ассоциировать себя [психологически] с [новой] частью мира, а не с культурно привычным Западом», хотя «другого варианта на следующий исторический период», по его мнению, «не просматривается»⁶⁶.

В.Б. Кашин развивает тезис о роли украинского конфликта, который в его трактовке «ведёт не к устранению России как оппонента США на международной арене, а к её превращению в ещё более неприятного противника – озлобленного, прошедшего суровую школу и лучше вооружённого»⁶⁷. Вашингтон сначала намерен «нанести стратегическое поражение России» («как минимум устранить Россию в качестве значимого участника международной политики и преподать урок другим возможным оппонентам»⁶⁸), а позднее – приняться за ограничение экономического роста и влияния Китая. По всей видимости, любое за-

---

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Кашин В.Б. Первый год большой войны // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №3. С. 10-21. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-3-10-21

⁶⁸ Кашин В.Б., Сушенцов А.А. Большая война: из прошлого в настоящее // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №6. С. 100-118. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-6-100-118

вершение конфликта превратит Украину в «главн[ую] проблем[у] российской внешней политики на десятилетия вперед»⁶⁹.

Поскольку «украинский конфликт станет прелюдией для следующих масштабных военных противостояний в других частях мира», послужит распространению «войн по доверенности нового типа», «угроза прямого столкновения великих держав и ядерной войны сохранится и станет, вероятно, даже более остро, чем в холодную войну»⁷⁰.

Дипломатии, полагают В.Б. Кашин и А.А. Сушенцов, «в рамках жёсткого внешнеполитического реализма и постепенной выработки правил и ограничений конкуренции» придётся заняться созданием «инструментария, который позволит пережить десятилетия турбулентности без атомных бомбардировок»⁷¹.

Другие управленческие и военные структуры и органы должны сконцентрироваться на «[с]пособност[ях] к самостоятельному производству, даже ценой снижения качества и повышения стоимости», выстроить «мощн[ую] индустриальн[ую] баз[у]», обеспечить «консолидаци[ю] общества вокруг объединяющих идей, которые не могут сводиться к общим, хотя и важным ценностям, вроде патриотизма и “защиты территориальной целостности”», «переосмыслить подходы к безопасности инфраструктуры, резервированию критически важных объектов и систем, развитию системы противовоздушной обороны», «по-новому взглянуть на систему гражданской обороны», нарастить «[м]ощн[ую] орбитальн[ую] группировк[у]» и количественный состав армии⁷². Перед лицом этих задач «[м]обилизация населения в вооружённые силы становится неизбежной, как и сохранение и расширение практики призыва граждан на службу»⁷³.

Результатом происходящих трансформаций будет «постепенно[е] возникновени[е] нескольких, разных по потенциалу, но относительно самостоятельных центров роста промышленности и технологий»⁷⁴. Центры мыслятся как «альянс[ы] разных по

---

⁶⁹ Кашин В.Б. Первый год большой войны...

⁷⁰ Кашин В.Б., Сушенцов А.А. Большая война...

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

мощи государств, идущих по пути экономической и промышленной интеграции и стремящихся к расширению», обладающих «собственной выраженной идеологической и ценностной платформой»⁷⁵.

Поведение малых и средних стран в данных центрах будет заключаться в «сохран[ении] максимальн[ой] политическ[ой] автономност[и] за счёт максимальной диверсификации внешних связей»⁷⁶. В.Б. Кашин и А.А. Сушенцов допускают, что малые и средние страны «попытаются образовывать коалиции для противостояния давлению великих держав», которые «[в]озможно, <...> со временем начнут эволюционировать в “военно-экономические” альянсы и вступать в конкуренцию друг с другом вокруг великих держав»⁷⁷.

Идеология «способствует отчуждению центров друг от друга, углублению линий раскола и сокращению пространства внешнеполитического манёвра для правящих элит»⁷⁸. Наверное, именно по причине особой роли идеологии, с точки зрения В.Б. Кашина и А.А. Сушенцова, «[в]сем крупным странам придётся прибегнуть к идеологизации внешней и внутренней политики с ограничениями диапазона разрешённых мнений и свободы слова»⁷⁹.

По мнению И.А. Истомина, Н.Я. Неклюдова и А.А. Сушенцова, «международная система стремительно возвращается к контурам биполярного противостояния», «проявляются пробелы во владении инструментарием кризисного балансирования», поскольку среди прочего «[г]осударства обладают ограниченной способностью просчитывать возможные реакции оппонентов на собственные шаги»⁸⁰. Ведь даже существовавшая европейская система фактически поддерживала «квазиблоковую природу <...>, сохранявшуюся, несмотря на падение Берлинской стены»⁸¹.

---

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Истомин И.А., Неклюдов Н.Я., Сушенцов А.А. Вперёд в прошлое? Возвращение истории // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. №5. С. 38-54. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-38-54

⁸¹ Там же.

Неопределённость современности и будущего порождает вариативные подходы и решения в русле управляемой эскалации⁸² и «тактики рукотворной неопределённости» – «потенциально дестабилизирующих шагов, убеждающих противника, что <...> действительно [будут] примен[ены] стратегические силы»⁸³.

Подход И.Ю. Окунева отличается от рассмотренных концепций и взглядов. И.Ю. Окунев полагает, что «[м]ировой порядок превратится в лоскутное одеяло наслаивающихся друг на друга региональных и проблемно-ориентированных мировых подсистем, устроенных по разным принципам и на разных нормах» и самое главное – с разными правилами, благодаря чему «значимые центры силы будут действовать в своём собственном миропорядке»⁸⁴.

Если государства по-разному начнут выстраивать отношения друг с другом, ставить их в зависимость от постоянных и переменных интересов, целей, планов и возможностей, то «конфигурации» мирового порядка будут «выглядеть то однополярн[ыми], то биполярн[ыми], то многополярн[ыми]»⁸⁵. Ведь уже сейчас «[у]сложнение общественных запросов» сделало «мировую политику асимметричной и многоуровневой», а «[р]егиональная интеграция способствует локальной фрагментации» и консолидации⁸⁶.

Следовательно, рассуждает И.Ю. Окунев, на месте «государств-территорий» появятся «государства-сообщества», «граждане которых живут в разных частях мира, но продолжают поддерживать связь с родственной политической системой и национальной идентичностью»⁸⁷. Сформируются «смешанные фор-

---

⁸² Условия управляемой эскалации: «[Н]еобходим грамотный просчёт рисков <...> взвинчивание ставок должно сопровождаться поддержанием связи с контрагентом, сигналами о дальнейших намерениях и осознанием общих интересов <...> внешнеполитическая непредсказуемость должна строиться на понимании пределов допустимой эскалации <...> нужно учитывать противоречивое воздействие третьих стран на противостояние ведущих держав» (Там же).

⁸³ Там же.

⁸⁴ Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. №3. С. 10-18. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-3-10-18

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

мы суверенитета над территорией», «возобладает отношение к территории, как к акционерному предприятию: у государств будут разные процентные доли акций, включая, скажем, “золотую акцию” с правом вето на совместные решения государств-акционеров»⁸⁸.

1.4. Обобщающий анализ

Авторы журнала «Россия в глобальной политике» частично сами подвели итоги собственного интеллектуального поиска. Ф.А. Лукьянов, например, заметил, что «[м]ногополярный мир, наступления которого долго ждали, вышел сложнее предполагавшегося»: возникли «сети многообразных взаимосвязей между игроками несовпадающего калибра» с «не очень упорядочены[ми], горизонтальны[ми] и вертикальны[ми]» связями и «нелинейностью»⁸⁹.

Т.В. Бордачёв уточнил: «[С]овременное государство сталкивается со столь серьёзными вызовами, что внешняя политика повсеместно подчиняется соображениям внутривнутриполитического характера»⁹⁰. Ренессанс государства способствовал «расширению[ю] круга держав, имеющих значение в международной политике и опирающихся на разный исторический опыт»; «[В] результате мы имеем дело с совокупностью внешних политик государств, а не с международной политикой как сравнительно автономной сферой»⁹¹. Наверное, именно поэтому «мировой порядок с относительно стабильными границами и более или менее понятным ограниченным числом государств как единственных носителей суверенитета – не норма, а сказочная аномалия»⁹².

Однако выделенные авторами черты заслуживают более пристального внимания⁹³. Если признать их наличие объектив-

---

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Лукьянов Ф.А. Шире круг! // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. №5. С. 5-8. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-5-8

⁹⁰ Бордачёв Т.В. Декомпозиция искусства: историософия российской внешней политики // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. №2. С. 132-149. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-2-132-149

⁹¹ Там же.

⁹² Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки...

⁹³ Полный список элементов выглядит следующим образом: масштабный кризис Запада, неопределённость миропорядка, приоритет национальных задач, «социальных мобилизаций», стратегических сдерживаний и системных со-

ным, то возможны две группы: группа с чертами, характеризующими внешнюю среду, и группа с чертами, посвящёнными задачам государства.

К первой группе относятся «геополитическая революция» (мягкий раскол мира, МБ и Глобальный Юг (ГЮ)), многосторонность, полицентричность, конфронтация и неопределённость, дискуссии о стратегическом сдерживании, системном сотрудничестве, формах многосторонности, полицентричности, центрах и центризме, реформе глобального управления.

Вторую группу составляют «социальные мобилизации», позиции отдельных государств касательно «геополитической революции», многосторонности, полицентричности, конфликтности, стратегического сдерживания и т.п.

Если применить научный синтез и описательно-аналитический подход, то разделительные линии между группами перестают быть принципиальными, а полученные материалы легко генерируются под конкретные запросы.

Практическая отдача существенно возрастёт, если согласовать приоритеты; например, считать наиболее значимыми многосторонность, полицентричность и конфликтность.

Уточняющая детализация поможет понять, что концентрация усилий на устранении причин конфликтности (борьбы за ресурсы, неравенства, блоковости и разбалансировки), купирование связанных с нею угроз и неопределённостей в рамках пространственно более обозримых проектов, в том числе евразийского проекта «системы сотрудничества и безопасности», – способны нивелировать действие негативных эффектов нелинейности⁹⁴.

трудничеств, «геополитическая революция», появление МБ и ГЮ, настрой на полицентричность и многосторонность, проблемно-ориентированные мировые подсистемы, миропорядок центров (центров роста промышленности и технологий), конфигуративное многообразие, «мягкий раскол» мира, выстраивание сетевого контроля, дискуссии о новых институтах и реформах прежних институтов, длительные конфликтности, конфронтация и неопределённость.

⁹⁴ А.Д. Богатуров, О.В. Лебедева предлагают изменить подход к региональной безопасности: «В контексте безопасности в качестве магистрального вектора развития региона можно рассматривать становление всеобъемлющей системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива и последующее расширение этой системы на весь Ближний Восток, формирование там зоны, свободной от ядерного оружия» (Богатуров А.Д., Лебедева О.В. Эволюция миропорядка и представлений России о внешнем мире // Международная

Таким образом, размышления авторов не исключают выбор между объективизацией фатализма (развитием имеющих черт и характеристик) и активной работой над средой, над позитивной повесткой дня, над приданием изменениям управляемого характера.

ГЛАВА 2. ПРЕОДОЛЕНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ

2.1. Многополярность и пределы западной цивилизации

Кризис Запада, если под кризисом понимать достижение пределов модели, был обусловлен, с точки зрения А.Г. Дугина, периодом Нового времени, когда стала распространяться и активно популяризоваться «чужд[ая] всем существующим цивилизациям, включая католико-христианскую, – иде[я] линейного времени и поступательного развития человечества»⁹⁵. Окончательная замена старого на новое, происходившая вместе с уничтожением «сакральных основ собственной культуры»⁹⁶, рождением наций и национального самосознания, стала возможной после перехода западной цивилизации на непрерывные трансформации и вмешательство в «зоны других цивилизаций»⁹⁷.

Совершенствовавшиеся Западом механизмы воспроизводства и развития заставили выдвинуть претензии на универсальный характер. Универсальность влияла и на природу западных обществ и наций. Неслучайно колонизацию А.Г. Дугин осмысляет дуалистически – как «колонизацию остальных цивилизаций» и

жизнь. 2023. №9. С. 27).

⁹⁵ Дугин А.Г. Новый многополярный порядок: гептархия и её смыслы // Международная жизнь. 2023. №9. С. 5-6.

⁹⁶ Там же. С. 6.

⁹⁷ Там же. Ср. у А.И. Подберёзкина: «[О]бщим знаменателем для политики США и Запада в целом являются: прежняя силовая политика, ориентированная на достижение самых радикальных внешнеполитических целей, и использование инструментов сотрудничества только в тех случаях, когда это безусловно выгодно США; максимальное использование всего спектра силовых средств и способов внешней политики, не отказываясь (даже теоретически) от применения самых радикальных форм применения военной силы; агрессивное наращивание элементов русофобии и антироссийской риторики во всех областях возможного противоборства – от культуры, искусства и образования до информатики и дипломатии» (Подберёзкин А.И. Будущее мирового порядка до 2035 года // Обозреватель – Observer. 2023. № 6. С. 23-24).

как «внутреннюю колонизацию». В последнем случае ликвидация ценностно-религиозного начала и утверждение сменяющихся идейных комплексов «модерна, прогресса и научного атеизма» оказывали прямое воздействие на западные общества⁹⁸.

Результатом идейного синтеза в рамках универсальности стало торжество идеологий, благодаря которому «к концу 1930-х годов мир разделился по идеологическому принципу» с суверенитетом отдельных «идеологических блоков»⁹⁹. В связи с этим феномен полярности (однополярный, биполярный, трёхполюсный мир) исторически закономерен и произволен от идеологий и идеологического поиска.

Универсализм и однотипная глобализация, наложенные на сублимацию несправедливости и диктат западного мира, привели к тому, что «[в] 2000-х годах сложилась своеобразная ситуация, где одновременно действовали все системы международных отношений и, соответственно, все типы международного права. Давно забытые и вычеркнутые цивилизации в обновлённом виде заявили о себе и стали двигаться по пути институционализации – <...> в БРИКС, ШОС»¹⁰⁰.

Таким образом, многополярность – это исправление несправедливости универсальной модели. Она означает «возврат к традиционному, до-Колумбовому цивилизационному миропорядку»¹⁰¹. По всей видимости, А.Г. Дугин выступает за обновление статуса великих держав и их более активное участие в управлении трансформационным переходом «от национального государства к государству-цивилизации, <...> новому изданию традиционной империи»¹⁰².

С учётом того, что «[н]овый номос Земли – впереди»¹⁰³, не ясно, как государства-цивилизации будут связаны с гептаполярностью – наметившейся многополярностью семи центров: «либерального Запада, маоистско-конфуцианского Китая, православно-евразийской России, ведантистской Индии, исламского

---

⁹⁸ Там же. С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 9.

¹⁰⁰ Там же. С. 11.

¹⁰¹ Там же. С. 12.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 13.

мира (суннитско-шиитского), Латинской Америки, Африки»¹⁰⁴.

При этом А.Г. Дугин замечает: «Государство-цивилизация в отличие от обычных государств строится вокруг миссии, Идеи, вокруг системы ценностей, которые имеют далеко не только практический и прагматический характер. А это значит, что здесь в полной мере нельзя применить принцип реализма <...>. То есть мы имеем дело с идеализмом»¹⁰⁵. Данный тип идеализма А.Г. Дугин назвал «иллиберальным» – особым типом суверенности цивилизации. Впрочем, речь может идти и о «нескольких версиях иллиберализма», а значит – и о нескольких типах¹⁰⁶. Независимо от этого «борьба между однополярным миропорядком и многополярным» остаётся «столкновение[м] Идей»¹⁰⁷.

В.Г. Егоров рассматривает проблему содержания идей через идентичность – один из фундаментальных социальных феноменов. По его мнению, идентичность «не формируется через политическую интеграцию: мирную или насильственную, в результате завоевания или навязывания воли»¹⁰⁸. Она – продукт исходности, непрерывности создания и поддержания «общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяжённого сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом»¹⁰⁹.

Простой на первый взгляд вывод, что «современная политика России <...> направлен[а на] поддержку неотъемлемого права каждого народа и государства на суверенное развитие и сохранение своих историко-культурных корней»¹¹⁰, позволяет выдвинуть гипотезу о взаимосвязи идентичности, «суверенного развития» и «сохранения историко-культурных корней», о сохраняющейся в культурном коде готовности «государств-цивилизаций» к проведению неформально-декларационной политики, учитывающей многополярные реалии.

---

¹⁰⁴ Там же. С. 12.

¹⁰⁵ Дугин А.Г. Иллиберализм в международных отношениях // Международная жизнь. 2023. №12. С. 56.

¹⁰⁶ Там же. С. 59.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Егоров В.Г. Россия и евразийская идентичность // Международная жизнь. 2024. №5. С. 70.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 74.

Универсализм, в виде «[с]тандартизируем[ых] под западные лекала и технологии цифров[ой] сред[ы] и “культур[ы]” потребления», меняет «кинфополе и способы получения информации, <...> культурные коды социума»¹¹¹. Такие замены А.М. Ильницкий трактует как «ментальный геноцид, <...> акт ментальной войны, где захват умов важнее территорий»¹¹², а «процесс глобализации» являет собою «новую редакцию колониализма» и «войн[ы] глубинного государства <...> против мира за гегемонию»¹¹³, против идеологии и духовных ценностей.

О.А. Дмитриев и Д.Г. Евстафьев обратили внимание на другой аспект кризиса универсализма. «В США вполне понимали невозможность сохранения жёстко американоцентричной глобализации как в политике, так и в экономике, – констатируют они. – Свидетельством этому стала “концепция бесполярного мира” и ситуативности обязательств в ключевых регионах»¹¹⁴, усиленная консолидация и «переход на принципиально новый уровень с точки зрения “управления ценностями”» через «технологии “постреальности”»¹¹⁵.

В «постреальности» присутствует «устойчив[ый] институциональн[ый] фундамен[т]», состоящий из «мир[а] неправительственных организаций», способных «создавать общественно-политическую и социально-экономическую альтернативу суверенному правлению, <...> обеспечивать институциональное удержание определённой “картины мира”, противоречащей национальным целям развития»¹¹⁶.

Альтернатива, с их точки зрения, состоит в том, чтобы «“[м]ир глобализации” во главе с США» испытал бы управляемое, «не перерастающе[е] в “обвал”» сокращение «ареала аме-

---

¹¹¹ Ильницкий А.М. Цивилизационная война – воля к победе // Международная жизнь. 2024. №3. С. 36.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С. 36-37.

¹¹⁴ Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. 2024. №7. С. 16.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. Утверждается, что «“[п]остреальностей” может быть несколько, и они могут конкурировать друг с другом», а «“информационные границы” нового мироустройства будут совпадать не столько с политическими, сколько с социальными и социокультурными» (Там же. С. 21-22).

риканоцентричной глобализации»¹¹⁷.

А.И. Дмитриченко не считает «концепцию бесполярного мира» проамериканской. Он предположил, что «на пути к многополярности, возможно, потребуется пройти через промежуточный этап, который можно было бы условно назвать “бесполярностью”. И продлится [этап] может десятилетия»¹¹⁸. На нём проявятся суть «космических программ», направления развития цифровых технологий, миграционных процессов¹¹⁹.

Именно «бесполярность»¹²⁰ и сопровождающий её возможный «институциональный вакуум»¹²¹, с его точки зрения, определяют окончательную форму многополярности: «[Н]овая многополярность, – пишет он, – будет иметь существенно отличающийся от нашего нынешнего представления вид <...>, может возникнуть ситуация, в которой большинство потенциальных “полюсов” в силу внутренних и внешних обстоятельств эпохи глобальной трансформации не будет иметь ни возможности, ни желания играть роль “ядра” интеграционных процессов»¹²².

«Бесполярность» не уничтожает «ведущие мировые державы» и «региональные центры притяжения». Однако А.И. Дмитриченко не исключил самозанятости потенциальных лидеров многополярности, поскольку «могут быть искусственно созданы условия, когда потенциальным “полюсам” <...> будет не до глобальных дел и многие из них не будут в состоянии эффективно продвигать принципы многосторонности», потеряв свою

---

¹¹⁷ Там же. С. 22.

¹¹⁸ Дмитриченко А.И. Беспольность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. 2023. №3. С. 5.

¹¹⁹ А.И. Дмитриченко не «исключа[ет]» попыток перенаправления [в Россию] внешних миграционных потоков из наиболее бедных стран» (Там же. С. 9).

¹²⁰ Ср. с точкой зрения В.Г. Егорова и В.В. Штоля: «Пока логически неоформившиеся контуры будущего миропорядка скорее воспроизводят качественно новую бипольность» Запада и «не-Запада», где «[ц]ементирующим основанием агрегирования противоположного западному полиса является общее признание невозможности унификации “проекта будущего” и ценности разнообразных культурных и национальных идентичностей» (Егоров В.Г., Штоль В.В. Кризис цивилизации и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2022. №10. С. 68).

¹²¹ «Институциональный вакуум» – положение, когда «ни одно из объединений не будет в состоянии выработать глобальные правила игры и добиваться их реализации» (Дмитриченко А.И. Указ. соч. С. 8).

¹²² Там же. С. 5.

привлекательность «подражания <...> для соседних стран»¹²³.

2.2. Концепция мегатрендов В.Г. Егорова и В.В. Штоля¹²⁴

Мегатренды – это составные части «уровневого структурирования, или иерархичности», в которую наряду с «мега- или глобальны[ми] тренд[ами]» включены «суб-, макро- и уровень тренд-сигнал[ов]» и их взаимосвязи¹²⁵.

Мегатренды не могут быть «замкнутыми процессами», «развивающи[ми]ся на основе самоорганизации в глобальном цивилизационном пространстве и не имеющи[ми] в своём основании ничего, кроме “голой” новации, связанной с поступательным движением вперёд»¹²⁶.

Характеристиками мегатрендов являются «системность качества», интерактивность, способность интегрировать в своих рамках «глобальные социальные, экономические, политические, культурные направления развития»¹²⁷.

С точки зрения современности мегатренды эксклюзивны. С точки зрения континуитета они – результат, «подготовленны[й] всем предшествующи[м] мировым развитием»¹²⁸. С точки зрения перспективы они – «факто[р,] объективирующи[й] <...> будущее»¹²⁹. Мегатренды закономерны, их «продвижение <...> не

---

¹²³ Там же.

¹²⁴ Ср. с тенденциями у В.Э. Гребенщикова: «[У]скоренное становление многополярного устройства в мировой политике, усложнение международных отношений <...>, кризис глобализации, построенной на валютно-финансовом, технологическом и культурном доминировании США <...>, стремление западного сообщества во главе с США вернуть себе доминирующие позиции, привилегированный доступ к преимуществам международной системы разделения труда <...>, повышение роли фактора силы в международных отношениях. Меняется природа силовой политики, размывается грань между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства, между состоянием войны и мира <...>. Россия и другие ведущие державы вступили в острую фазу соперничества за право устанавливать базовые принципы миропорядка и многостороннего взаимодействия в новых международных условиях» (Гребенщиков В.Э. Тенденции и перспективы развития системы международных отношений // Международная жизнь. 2022. №12. С. 12-13).

¹²⁵ Егоров В.Г., Штоль В.В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение // Международная жизнь. 2023. №2. С. 66.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

зависит от <...> конъюнктуры»¹³⁰.

Мегатренды – «сложные системы» факторов, «в которой каждый “малый” фактор может влиять на устойчивость <...> динамики и процессуальность»¹³¹. Мегатренды имеют антиподы, «дуалистические противоположности».

По всей видимости, разработанные с их помощью и на их основе политические меры следует считать «результат[ом] непрерывного и преемственного развития цивилизации», когда «на каждом конкретно-историческом этапе» агрегируются «наиболее существенные <...> направления»¹³².

Научный анализ мегатрендов «направлен на выявление признаков, проявляющихся в настоящем, для определения направлений движения планетарной цивилизации»¹³³.

Авторы выделили пять мегатрендов. Первый мегатренд – глобализация¹³⁴, «закономерный процесс, имеющий объективное основание, обусловленное переходом планетарной цивилизации к постмодерну», «придающи[й] развитию человечества новое качество»¹³⁵.

Второй мегатренд – демократизация, «расширение круга <...> субъектов <...> мирового социально-политического пространства», когда наряду с государством и государственными объединениями «[а]ктивным действующим лицом современной “сцены” мировой истории становятся <...> общины, гражданские объединения, города и даже отдельные знаковые персоны, объединённые новой информационно-сетевой организацией»¹³⁶.

---

¹³⁰ Там же. С. 68.

¹³¹ Там же. С. 75.

¹³² Там же. С. 66.

¹³³ Там же. С. 75.

¹³⁴ Антипод глобализации – глобализм, «имеющий иную природу, непосредственно связанную с очередным качественным этапом жизненного пути позднего модерна <...> глобализм в отличие от глобализации – это политика сил позднего модерна, направленная на сохранение мирового доминирования, охватывающая все сферы цивилизационного процесса: экономическую, социальную, политическую, а в последнее время и культурную» (Там же. С. 68).

¹³⁵ Там же. С. 67. К мегатренду глобализации также относится «возрастание роли территориальных и региональных сообществ», или «регионализация» (Там же).

¹³⁶ Там же. С. 69. См. уточнение в другой статье авторов: «[С]овременная социальная реальность такова, что парламентаризм, каким-то образом справляв-

В результате «глобальный процесс децентрализации» расширяется за счёт «активно влияющих на планетарную реальность и формирование направлений развития мировой цивилизации»¹³⁷.

Третий мегатренд – «информационно-коммуникационная революция» («виртуализаци[я] и дематериализаци[я] мирового цивилизационного пространства»¹³⁸), следствием которой «стала возрастающая роль малых творческих коллективов, выдающихся личностей и хозяйственных форм», не уступающим «по степени эффективности <...> создания общественных благ <...> крупным корпорациям», «коннективност[ь] <...> и виртуализаци[я] цивилизационного пространства»¹³⁹. Авторы полагают, что третий тренд знаменует «становление информационного общества»¹⁴⁰.

Четвёртый мегатренд – «демассовизация (или демассификация)»¹⁴¹. Имеется в виду не «примитивная атомизация социумов, а новое качество их сложности», обретение «каждым индивидуумом <...> уникального набора информации»¹⁴².

Пятый мегатренд – «мегатренд формирования регенеративной среды обитания человека»¹⁴³. Данный мегатренд «качест-

---

шийся с представительством интересов граждан в относительно однородных обществах нового времени, в качественно иной ситуации сложных социумов современности ничего общего с народовластием не имеет» (Егоров В.Г., Штоль В.В. Кризис цивилизации... С. 66).

¹³⁷ Там же. С. 70. «Основу диалектической противоположности демократизации составляет централизация, проистекающая из включённости всех живущих на планете в систему доминирующих социально-экономических отношений» (Там же).

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же С. 71. «Диалектическая противоположность этого мегатренда обусловлена стремлением сил модерна сохранить архитектуру мироздания в прежнем состоянии, где выстроен прочный фундамент финансового доминирования узкого круга мировой элиты» (Там же).

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. С. 72. «Диалектической противоположностью демассификации <...> является нарастающая глобальная универсализация».

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же. С. 74. «Диалектическая противоположность регенерации коренится в природе человека и имеет бихевиористские корни: стремление к полной реализации индивидуальных потребностей, распространение своей власти на себе подобных и природу в целом. Собственно, опираясь на эту человеческую ипостась, капитализм достиг огромных цивилизационных завоеваний» (Там же).

венно меня[ет] мироустройство и социальную роль человека, постепенно встраивающегося в природные циклы»¹⁴⁴.

2.3. Концептуальный подход О.П. Иванова

Анализ военно-политических и военно-стратегических документов США, который провёл О.П. Иванов, позволяет выстроить системную программу организации и ведения стратегического соперничества, в которой в качестве предпосылки признаётся, что «устранить соперничество невозможно»¹⁴⁵, в качестве задачи минимум декларируется сохранение собственных преимуществ после завершения конфликта или «динамической напряжённости, при которой все стороны смогут эффективно принять <...> уровень неудовлетворённости»¹⁴⁶, а в качестве максимальной задачи – победа (закрепление конкурентных преимуществ на перспективу).

Условиями обеспечения комфортного соперничества являются «долгосрочное планирование», «отход от военно-политического планирования на основе общего военного потенциала противника», «возврат к планированию на основе конкретной угрозы»¹⁴⁷.

Аксиомой становится утверждение, что «стратегическое соперничество в отличие от войн не имеет временных и пространственных границ и требует применения всех составляющих [системного] потенциала» во всех возможных пространствах и сферах – территориальных, когнитивных, тематических¹⁴⁸.

Смещение акцентов с «[п]обед[ы] в отдельном сражении или даже в войне»¹⁴⁹ на победу в стратегическом соперничестве, с одной стороны, означает принципиальную неготовность, в силу «необходимост[и] достижения конкурентного преимущества»¹⁵⁰, вступать в затяжные военные действия и участвовать в затяжных военных конфликтах; с другой стороны – подчёркивает

---

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // Обозреватель – Observer. 2024. №2. С. 28.

¹⁴⁶ Там же. С. 30.

¹⁴⁷ Там же. С. 28-29.

¹⁴⁸ Там же. С. 29.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же.

важность использования различных средств.

Если в качестве обеспечения конкурентного преимущества считать «перено[с] соперничества в области, где [страны] обладают устойчивыми относительными преимуществами по сравнению [со своими] противниками»¹⁵¹, то ожидаемая реакция втягивания противника в состязание как одну из форм конфликта и принуждение его к ответным дорогостоящим мерам может не наступить в запланированном обладателем преимуществ виде, поскольку ответ противника может заключаться в развитии собственных преимуществ и отказе от конкурентной борьбы по навязываемым ему направлениям¹⁵². Ведь конечный успех и победа связаны со «свободой действий» и самостоятельным «выбором выгодного курса в международной политике»¹⁵³.

С учётом вышеизложенного вооружённые силы получают новые задачи: задачу поведенческой и периферийной дезорганизации противника, «когда противнику будет сложно успешно отвечать на действия» и «в его уме» будет создана «неопределённость <...> относительно дальнейших эффективных планов и действий»¹⁵⁴, и задачу обязательной организаций коалиций, призванных, по всей видимости, оправдать справедливость осуществляемых действий.

Дезорганизация может считаться потенциально успешной только при условии, что противнику не известны стратегические и тактические планы, не ясен потенциал, санкционируются и поощряются самостоятельные действия командного состава в конкретной ситуации. Любое, даже общее декларирование целей и программ существенно сужает эффект дезорганизации.

В военном плане возможны два варианта участия вооружённых сил в стратегическом соперничестве. В варианте «сдерживани[я] агрессии и принуждени[я] в критически важных регио-

---

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² О.П. Иванов привёл в качестве примеров следующие программы НАТО: «Модульные наземные средства противовоздушной обороны»; «Потенциал командования и управления средствами противовоздушной и противоракетной обороны наземного базирования на уровне батальона и бригады»; «Многонациональная инициатива по складированию боеприпасов».

¹⁵³ Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество... С. 30.

¹⁵⁴ Там же. С. 31.

нах» необходимо «быстро нанести поражение агрессору в совпадающих локальных конфликтах <...>, включая возможность смены режима или оккупации»¹⁵⁵. Может быть отдан «приказ на решительную победу в одном из <...> конфликтов»¹⁵⁶. При этом «конфликт не может считаться гибридным, если не применяются силы общего назначения»¹⁵⁷.

Второй вариант – «оборона <...>, сдерживание с переходом в сражение с целью победить в локальной или широкомасштабной войне»; «реакция на кризисы ниже уровня локальной войны»; «кампании по усилению своих позиций и ограничению действий соперника»¹⁵⁸. В обоих вариантах задачи победы в стратегическом соперничестве исключительно вооружёнными силами не достижимы.

Среди прочего необходимы «адекватны[е] мер[ы] политико-дипломатического, военного, экономического и информационного характера», «дальнейшее укрепление партнёрских отношений»¹⁵⁹.

2.4. «Повестка дня» России

Предложенные политологами меры преодоления универсализма можно свести к следующему списку.

1. Пока многополярность – это только «модель, к которой надо стремиться», нужно разработать «практические рекомендации: каким образом к этой цели двигаться, как действовать сейчас, как выстраивать свою работу, где и на чем делать акцент, что брать в глубокую проработку»¹⁶⁰.

2. «Нужно больше задействовать партнёров, поручать им чёткие конкретные участки работы, обращаться за помощью»¹⁶¹.

3. «Будущее в мире за проектами, подобными ЕАЭС, такими как регионализация, управляемая на межнациональном уровне, позволяющая сохранять национальную идентичность и мак-

---

¹⁵⁵ Там же. С. 31-32.

¹⁵⁶ Там же. С. 32.

¹⁵⁷ Там же. С. 33.

¹⁵⁸ Там же. С. 34-35.

¹⁵⁹ Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // Обозреватель – Observer. 2024. №3. С. 26.

¹⁶⁰ Фролов П.В. Большая игра, или Борьба за новый мир // Международная жизнь. 2024. № 6. С. 4.

¹⁶¹ Там же. С. 6.

симально использовать интеграционный фактор для национального развития»¹⁶².

4. «[В]озникает потребность в создании двусторонних групп по взаимодействию»¹⁶³.

5. «ШОС необходимо пройти трансформацию в сторону более экономически ориентированной организации, например, создать Банк развития ШОС по аналогии с Новым банком развития БРИКС»¹⁶⁴.

6. «[Н]аправления деятельности ШОС и БРИКС должны коррелироваться со сложившимися общемировыми вызовами»¹⁶⁵.

7. «[В] рамках Совещания [по взаимодействию и мерам доверия в Азии] <...> можно провозгласить единое пространство безопасности от Бреста до Матаре»¹⁶⁶.

8. «Россия должна вовлечь широкий круг стран в мировые процессы и сформировать институционально-правовую базу глобального управления <...> мегапроекта “Большой Евразии” <...>. На повестке стоит совместная разработка комплексной стратегии развития и общей концепции безопасности и равноправного сотрудничества»¹⁶⁷.

9. «В рамках многонаправленной дипломатии Россия <...> должна учесть интересы таких игроков, как Китай, Индия, Иран, Турция, при построении справедливого миропорядка и вовлечь их в глобальное управление»¹⁶⁸.

10. «Новые акторы должны иметь право обсуждать будущую модель организации евроатлантической безопасности, чтобы предотвратить консолидацию блоков НАТО и ЕС»¹⁶⁹.

11. «[П]отребуются иные форматы и механизмы безопасности в АТР и на Ближнем Востоке»¹⁷⁰.

---

¹⁶² Там же. С. 7.

¹⁶³ Гулянец В.В. Синергия ШОС и БРИКС: консолидация незападного мира // Международная жизнь. 2024. №4. С. 35.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Фролов П.В. Указ. соч. С. 6.

¹⁶⁷ Панюжова М.М. Евразия на пути к новому миропорядку // Обозреватель – Observer. 2023. №2. С. 63, 66.

¹⁶⁸ Там же. С. 75.

¹⁶⁹ Там же. С. 75-76.

¹⁷⁰ Там же. С. 76.

12. «Нельзя уходить из Европы. Следует продолжать взаимодействие на двусторонней основе с Турцией, Венгрией, Словакией. Стараться усиливать своё влияние на Балканах, которые давно разогреты»¹⁷¹.

13. «[Т]ребует ответной реакции, <...> нашего лозунга о “нанесении стратегического поражения коллективному Западу” – поражения, исключая его доминанту в вопросе мирового развития»¹⁷².

14. «Нельзя давать возможность Вашингтону или Брюсселю концентрировать силы и средства на одном направлении <...>, необходимо заставлять наших противников эти силы и средства распределять, тратить на других площадках и направлениях»¹⁷³.

15. «[Г]лобальные приоритеты отечественной дипломатии можно разделить на два условных трека <...> укрепление, модернизация ООН и ключевых её принципов <...> необходимо продвижение отечественных нарративов и укрепление общественных связей через элементы культурной, публичной, образовательной дипломатии»¹⁷⁴.

16. «России необходим согласованный публично, обсуждённый в широкой дискуссии общий стратегический прогноз развития базового сценария [международных отношений]»¹⁷⁵.

17. «Вместо универсализации западных концепций и теорий необходимо активизировать работу по совершенствованию теории международных отношений с учётом новых реалий, обусловленных становлением многополярного миропорядка»¹⁷⁶.

2.5. Обобщающий анализ

Условиями успешных изменений в международных отношениях и в системах безопасности являются переосмысление национальной роли, национальной культурного кода и сбалансированное привлечение партнёров.

---

¹⁷¹ Фролов П.В. Указ. соч. С. 7.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Лебедева О.В. Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» // Международная жизнь. 2023. №3. С. 17.

¹⁷⁵ Подберёзкин А.И. Указ. соч. С. 32.

¹⁷⁶ Богатуров А.Д., Лебедева О.В. Указ. соч. С. 31.

Собственный культурный код в государстве-цивилизации осознаётся носителями либо через идеологию, либо через идею (идейный комплекс), либо через мировоззрение. В любом случае важно не привнесение смыслов извне, а верифицируемые массовым сознанием соотнесения с прошлым. Убедительная верификация призвана доказывать истинность транслируемых смыслов и нарратива.

Без устоявшихся культурных кодов и работающей обыденной идентификации трансформации не могут стать управляемыми; не будет осуществляться социальная мобилизация в необходимом государству масштабе; не будут сбалансированы реалистичные и идеалистичные механизмы (само)сознания.

Опасность трансформаций заключена не столько в их последствиях, сколько в том, что заранее, до наступления трансформаций, не учитываются потенциальные разбалансировки в управлении трансформационными процессами. Государство-цивилизация должно иметь функционирующую идентичность.

Поскольку авторы подразделяют процессы на открытые и закрытые, то всё, связанное с созданием и поддержанием национального, относится к внутренним процессам и не может в настоящее время подвергаться внешнему влиянию.

Дискуссионным остаётся вопрос классификации процессов в международных отношениях на открытые и закрытые. Если партнёрские контакты и стратегические партнёрства не должны характеризоваться неудовлетворённостью их участников и быть подвержены стратегическому соперничеству, то происходящие в данных партнёрствах процессы необходимо делать закрытыми. Тем самым будет уменьшаться конфликтный потенциал в международной среде. И хотя конфликтность, неудовлетворённость и напряжённость будут оставаться только в открытых процессах, планирование всё равно придётся осуществлять для двух видов процессуальности.

Мегатренды – это не только объективные феномены, совокупность факторов, но и разные результаты, обусловленные природой процессов и их участниками. В такой трактовке феномен полюсности вторичен, а бесполусный мир априори не может возникнуть, так как государство-цивилизация и любое

партнёрство с ней представляет собой полюс.

Кроме того, смещается акцент с внешних количественных параметров (однополюсный, биполярный и т.п.) на внутреннее содержание и потенциальную конфликтность, благодаря чёткой фиксации которой детализируется список угроз, производится анализ их купирования, создаются и апробируются соответствующие сценарии, уточняются конфигурации многосторонности. Упорядоченность в безопасности зависит от сознательного выстраивания процессов, возможного изменения их природы.

Таким образом, безопасность – это подвижная система, в которой соединены управляемые, неуправляемые, открытые, закрытые, потенциально балансируемые, небалансируемые, временно и длительно разбалансированные процессы¹⁷⁷. В связи с этим под политикой безопасности необходимо понимать управление данными процессами.

Этот подход позволяет отойти от универсальности, отказаться от анонимных рекомендаций, «привязать» рекомендации к конкретным процессам и акторам, а также вариативно анализировать воздействие рекомендаций и предложений.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

3.1. Экономические трансформации

По мнению И.А. Балюк и М.А. Балюк, «в мире появилась достаточно большая группа промышленно развитых государств с формирующейся рыночной экономикой, роль и влияние которых постоянно возрастают», а вместе с этим наблюдается и «превалировани[е] национальных геополитических интересов»¹⁷⁸.

В условиях изменения «мировой хозяйственной системы» («мирового экономического развития»¹⁷⁹), «поэтапно[го] расширения[я] двустороннего сотрудничества» и «противодействия со стороны наций, оказавшихся на периферии глобальной экономики и мировых финансов» Соединённые Штаты всё больше

---

¹⁷⁷ См. в этом контексте заключение.

¹⁷⁸ Балюк И.А., Балюк М.А. «Бреттон-Вудс 2.0: на пути к новой мировой финансовой архитектуре» // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №3. С. 6, 10.

¹⁷⁹ Там же. С. 9.

превращаются в «миров[ого] диктатор[а]», стремящегося усилить «давление <...> на другие страны» и максимально сохранить гиперглобализацию («безудержную глобализацию»)¹⁸⁰.

Средствами давления выступают правила «государств-эмитентов мировых валют», возможность «снижени[я] <...> обязательств для “избранных” стран и создание для них максимально благоприятных условий»¹⁸¹.

Противопоставляя проамериканскую гиперглобализацию и появляющуюся новую глобализацию, «[а]вторы согласны с тем, что разделение мира на блоки является не оптимальным вариантом дальнейшего развития, но <...> единственно возможным и логически обоснованным, поскольку нарастающая тенденция фрагментации выступает отражением цикличности глобализационных процессов»¹⁸².

После того как «производственный потенциал стран, отнесённых к категории развивающихся, практически сравнялся с потенциалом развитых»¹⁸³, по мнению И.А. Балюк и М.А. Балюк, оправдано утверждать, что «[м]ир вступил в эпоху необратимой трансформации»¹⁸⁴. Для придания трансформации управляемого характера авторы рекомендуют приступить к формированию системы Бреттон-Вудс 2.0, созданной «на принципах справедливости и многополярности», в основе которой должна находиться «официальн[ая] международн[ая] цифров[ая] валют[а] (валютн[ая] единиц[а])»¹⁸⁵.

В свою очередь, В.Д. Миловидов обратил внимание на то, что «большее значение приобретают ценностные установки, распространяемые и утверждаемые в массовом сознании»¹⁸⁶. Именно «[о]ни формируют некий новый тип рационального и одновременно эмоционального поведения людей»¹⁸⁷.

Часть из этих ценностей и установок («[у]стойчивое разви-

---

¹⁸⁰ Там же. С. 8, 10, 12.

¹⁸¹ Там же. С. 10.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же. С. 13.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. С. 10-11, 13.

¹⁸⁶ Миловидов В.Д. «Зловещая долина» устойчивости: продолжит ли мировая экономика расти? // МЭиМО. 2023. №5. С. 6.

¹⁸⁷ Там же.

тие, сдерживание негативных климатических изменений, социально ответственное управление бизнесом и прежде всего крупнейшими мировыми корпорациями»¹⁸⁸), с одной стороны, «интегрируются в стандарты управленческой практики, финансовой отчётности, коллективного и индивидуального инвестирования, отчасти в юридически обязывающие нормы хозяйственной деятельности»¹⁸⁹, с другой стороны – обосновывают в экспертном сообществе мнение о замедлении экономического роста, помогают утвердить тезис об «отказ[е] от роста <...> в программных лозунгах доминирующих политических партий»¹⁹⁰, разрывают привычную взаимосвязь между экономическим ростом и общественным прогрессом.

Всё это, с точки зрения В.Д. Миловидова, способствует «радикальной трансформации общественного сознания и идеологии правящих политических сил, <...> яро объявляющих экономический рост злом, которое должно быть искоренено»¹⁹¹. О другой стороне вопроса («повышении стоимости жизни»¹⁹²), как правило, не упоминается.

Подтверждение своего вывода В.Д. Миловидов видит и в том, что «экспоненциальный рост инвестиций в альтернативную энергетику явно непропорционален даже её максимальной доле в глобальном энергобалансе»¹⁹³.

Схожей логики рассуждений придерживаются С.Н. Бобылев, С.В. Соловьёва и П.А. Кирюшин, по мнению которых, в связи с «ограничен[ой] экологической ёмкост[ью] Земли, её планетарными границами», «человечество оказывается перед неразрешимой проблемой, когда на основе сформировавшегося технологического уровня, традиционной экономической модели и институтов невозможно: а) сохранение сложившейся модели потребления и его уровня для следующих поколений в развитых странах, б) достижение высоких уровней потребления следующими поколениями бедных стран и стран с трансформи-

---

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 9.

¹⁹¹ Там же. С. 11.

¹⁹² Там же. С. 14.

¹⁹³ Там же. С. 12.

рующей экономикой»¹⁹⁴.

3.2. «Концепция сбалансированного поворота на Восток» А.В. Торкунова и Д.В. Стрельцова

Авторы концепции исходят из того, что «[п]оворот на Восток никогда не означал для России полного ухода из Европы и присоединения к Азии»¹⁹⁵. Ранее он рассматривался «в политико-дипломатическом и экономическом, но не в цивилизационном измерении»¹⁹⁶, поскольку учитывались «самоидентификаци[я] России», «феномен азиатского национализма», попытки «оформления процессов регионализации на основе этно-цивилизационной идентичности», «борьба двух подходов» («открытого регионализма» с «незамкнуты[ми] институциональны[ми] структур[ами]» и «закрытого регионализма»)¹⁹⁷. Кроме того, «за прошедшие после распада СССР три десятилетия РФ не смогла проявить себя в качестве крупного экономического актора в Восточной Азии»¹⁹⁸.

Поэтому современный вариант поворота на Восток должен быть содержательно актуализированным и системно сбалансированным с «осмысленн[ой] и хорошо скоординированн[ой] стратеги[ей], основанн[ой] на эффективном использовании имеющихся ресурсов»¹⁹⁹.

Он должен учитывать региональные и национальные особенности и интересы основных участников региона, например, снижение спроса на газ, специфику инвестиционной и технологической политики и правил конкуренции, а также иметь «тщательно проработанную» стратегию, основанную на понимании значения каждого из <...> государств [региона] для российских национальных интересов»²⁰⁰.

Необходимо избегать «крен[а] в сторону Китая как в экономической, так и в дипломатической сферах», поскольку данный

---

¹⁹⁴ Бобылев С.Н., Соловьёва С.В., Кирюшин П.А. Крах глобальной модели потребления: в поисках устойчивости // МЭиМО. 2022. №11. С. 98.

¹⁹⁵ Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // МЭиМО. 2023. №4. С. 7.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. С. 7-8,

¹⁹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹⁹ Там же. С. 14.

²⁰⁰ Там же. С. 13.

крен усиливает «риск “диктата покупателя”», «объективно ухудшает переговорные позиции российских поставщиков», ограничивает «свобод[у] манёвра [России] в отношениях с другими азиатскими партнерами»²⁰¹.

Нашей стране важно сохранять возможность для активного участия в «экономических и политических процесс[ах]» региона²⁰². Следовательно, Россия и Китай могли бы строить «“эластичный альянс” <...> на понимании общих фундаментальных интересов и прагматической выгоды от взаимодействия в самых разных сферах»²⁰³.

Средствами сбалансированной политики могли бы стать предложение о «сопряжени[и] концепции “Большой Евразии” с различными проектами инфраструктурного развития в АТР», «привлечение развитых экономик Восточной Азии к экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока»²⁰⁴, включение в «комплексную стратегию большого евразийского пространства» стран, «которые не хотели бы оказаться перед жёстким выбором между Западом и Незападом», отказ «от чрезмерной политизации и идеологизации целей проекта “Большой Евразии”», превращение проекта в «открыт[ый] для всех инструмен[т] экономической интеграции на евразийском пространстве»²⁰⁵.

А.В. Торкунов и Д.В. Стрельцов считают, что «[н]еобходимо продумать долгосрочные планы развития отношений с основными азиатскими партнёрами на двусторонних треках с Индией, КНДР, странами Юго-Восточной Азии (Вьетнамом, Мьянмой, Таиландом, Индонезией, Малайзией и др.)», «шаги по восстановлению отношений с Японией» и Южной Кореей²⁰⁶.

На наиболее сложных направлениях рекомендуется «развитие связей по линии “второго трека”, обеспечивающего площадку для диалога и откровенного обмена мнениями между политиками и экспертами», инициирование свободных «от каких-либо политико-идеологических ограничений <...> новых мно-

---

²⁰¹ Там же. С. 9-10.

²⁰² Там же. С. 13.

²⁰³ Там же. С. 12.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 13.

²⁰⁶ Там же.

госторонних международных форматов, в рамках которых политические возможности России могут оказаться существенно выше, чем на двустороннем уровне»²⁰⁷.

Речь идёт о «трёхстороннем формате Москва–Пекин–Сеул», о «четырёхстороннем формате Москва–Пекин–Сеул–Пхеньян», о «“треугольнике” Токио–Москва–Сеул», о «форматах Москва–Ханой–Пекин и Москва–Ханой–Дели»²⁰⁸.

3.3. Теория смены моделей мирового экономического развития Л.Л. Фитуни и И.О. Абрамовой

Авторы теории полагают, что «нахождени[е] развитого и развивающихся миров по разные стороны уравнения глобального баланса сил» ведёт «к борьбе за ресурсы, необходимые для существования и развития», способствует «структурном[у] кризис[у] существующего миропорядка»²⁰⁹.

Авторы теории предлагают анализировать «всякое мироустройство <...> как большую саморазвивающуюся общественно-экономическую систему», «качество (“особость”) которой определяется предустановливаемыми в её рамках закономерностями и правилами взаимодействия составляющих <...> элементов» и, по всей видимости, подсистем (например, «подсистемы развивающихся стран» и «условной “подсистемы развитых/богатых стран”»)²¹⁰.

Не случайно современная система мироустройства интерпретируется авторами как «Большая система». В её рамках развивающиеся страны – это своего рода «совокупность элементов», характеризующихся, как и «Большая система», сложившимися устойчивыми зависимостями и иерархиями. Последние «определяют <...> центры силы и основы доминирования», «правила игры внутри Большой системы», «устанавливает принципы распределения и присвоения совокупных ресурсов системы»²¹¹.

Таким образом, изменения модели мирового экономического развития являются, «[в] силу закона неравномерного разви-

---

²⁰⁷ Там же. С. 14.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // МЭиМО. 2022. №11. С. 6.

²¹⁰ Там же. С. 7.

²¹¹ Там же.

тия», естественными и означают «изменения политических балансов»²¹². В зависимости от «принципиальности изменения баланса» и состояния факторов устойчивости «Большой системы» может произойти «полная или частичная смена уже не одной только [модели мирового экономического развития], но и всей модели мироустройства»²¹³. Независимо от периода начала изменений, «[с]мена системы мироустройства – длительный, дискретный <...> и многокомпонентный процесс»²¹⁴.

В новом мироустройстве будет осуществляться «кристаллизация» новой [модели мирового экономического развития] и новых уравнений геополитического баланса, в наибольшей степени отвечающих интересам и запросам поднявшихся лидеров»²¹⁵.

По мнению авторов теории, «[с]пецифика кризиса нынешней системы мироустройства <...> заключается в том, что её разрушение на “микроуровне” (изменения в существовавшем внутри неё балансе сил отдельных стран-лидеров, в первую очередь США и КНР) совпало с тектоническим макродвигом – изменением соотношения двух образующих его подсистем» – «подсистемы развивающихся стран» и «условной “подсистемы развитых/богатых стран”»²¹⁶.

Развивающиеся страны, «несмотря на их разнородность и усиливающуюся дифференциацию», способны «оказывать определённое влияние <...> на оформление структур нового мироустройства» при условии, что они смогут «выработать и донести свою консолидированную позицию»²¹⁷.

3.4. США: лидерство и глобализация

Лидерство не предусматривает устойчивого содержания и постоянной модели. Оно подлежит управлению и подвержено изменениям.

В настоящее время эффективность лидерства, по мнению М.А. Сучкова, зависит от «[м]асштаб[ой] перестройк[и] <...> в международных делах», от «нового качества управления со-

---

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 8.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же. С. 12.

держательно новыми элитами и обновления национального самосознания»²¹⁸, то есть от национального единства, правильного понимания и влияния на международные и внутривластные процессы.

«На протяжении трёх десятилетий в отсутствие биполярности Соединённые Штаты, – пишет М.А. Сучков, – активно экспериментировали с моделями управления международной системой»²¹⁹. Две политические модели, выделенные ещё А.Д. Богатуровым, следует, с точки зрения М.А. Сучкова, считать доминирующими – «политика “принуждения к партнерству” и стратегия “навязанного консенсуса”»²²⁰.

Новым для США стало завершение «период[а] “рассеянности”, когда было невозможно внятно сформулировать идею главного противника»²²¹. Теперь приоритетным является т.н. двойное сдерживание, цель которого – «не допустить доминирования в международных делах – и даже в отдельных ключевых сегментах – Китая и отчасти России»²²². Средством «двойного сдерживания» является «принцип “интегрированного сдерживания”, который команда президента Дж. Байдена (в особенности министр обороны Л. Остин) продвигает с начала 2021 г.»²²³.

В силу собственных проблем и трудностей США «фактически демонстрируют адаптивное лидерство в режиме “лайт”, когда адаптация к изменяющимся внешним обстоятельствам сводится не столько к перестройке себя под изменяющуюся среду, сколько окружающих под свои параметры»²²⁴. По этим причинам американцы вынуждены искать и поддерживать площадки, на которых может работать модель адаптивного лидерства «лайт», осуществляться «побуждение экономическими силами» и «принуждение военной силой».

---

²¹⁸ Сучков М.А. Адаптивное лидерство в условиях «двойного сдерживания»: образ действия США в меняющемся миропорядке // МЭиМО. 2023. №11. С. 11-12.

²¹⁹ Там же. С. 6.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. С. 8.

²²² Там же.

²²³ Богданов К.В. Эскалационные риски многосферных операций // МЭиМО. 2023. №4. С. 32. Подробнее см.: 3.5.

²²⁴ Сучков М.А. Указ. соч. С. 11.

И хотя особенность американского лидерства состоит и в том, что США «предпочитают действовать автономно – союзники нужны для международной легитимации уже принятых решений и их имплементации на практике»²²⁵, «ключевой вопрос» нынешней администрации – «каким образом настроить позитивную мотивацию к сотрудничеству против “автократий” не только у союзников, но и у некоторых значимых “неопределившихся” в ситуации, когда былая вера в США как в ролевую модель существенно ослабла»²²⁶.

В связи с этим проблематика национального единства приобретает важное значение. Из-за необходимости обеспечить национальное единство, предполагает М.А. Сучков, «в ближайшие годы внутренняя политика США будет сосредоточена на достижении <...> согласия элит, а внешняя станет показателем того, насколько успешно проходит этот процесс»²²⁷.

Одним из свидетельств возможного поиска консенсуса среди элит становится трансатлантическая повестка, обсуждение её состояния и перспектив. Аналитики-центристы, близкие к Демократической партии, предлагают «стран[ам] трансатлантического ядра (США, Великобритания, Франция, Германия и Италия) <...> совместно разрабатывать новые геополитические и геоэкономические, а также отраслевые правила, нормы и стандарты, которые возьмут на вооружение дружественные государства»²²⁸. НАТО, «по их мнению, <...> долж[ен] быть гото[в] вести две войны одновременно – с РФ и КНР»²²⁹.

Консервативные демократы настаивают на «контролируемой глобализации», на расширении функций государства, на многосторонних подходах к «трансатлантическому сообществу», «взаимных торговых уступках» ЕС и США, на «сохранении Китая в качестве экономического партнера Запада»²³⁰.

С ними согласны сторонники реалистического лагеря в Рес-

---

²²⁵ Там же. С. 12.

²²⁶ Там же. С. 9.

²²⁷ Там же. С. 12.

²²⁸ Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США // МЭиМО. 2023. №8. С. 62.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 64.

публиканской партии, для которых сохранение глобализации обусловлено учётом интересов ЕС и КНР. Цифровой суверенитет они предлагают понимать широко – как суверенитет Запада.

Прогрессисты в Демпартии указывают на то, что «не только климат, но и социальные процессы могут стать основой консолидации атлантических союзников»²³¹.

В свою очередь, республиканцы-консерваторы отстаивают принципы «двусторонности» и «национальных интересов», отказываются признавать стратегическую автономность ЕС «и считают, что безопасность Запада можно обеспечить только с помощью единого НАТО под контролем США»²³². НАТО «должен подключиться и к сдерживанию Китая, хотя вклад Европы может здесь ограничиться участием в экономических санкциях»²³³.

Таким образом, делают вывод Ю.Г. Голуб и С.Ю. Шенин, большинство в Демократической и Республиканской партиях относится к глобализации скептически, а значит – «лишь некоторые аспекты трансатлантической стратегии Байдена получают поддержку <...> со стороны ведущих политиков и экспертов»²³⁴.

3.5. Военное-политические процессы

Академик РАН А.Г. Арбатов полагает, что «решения российского руководства о приостановке действия ДСНВ были не технические и не стратегические, а политические соображения»²³⁵ и обращает внимание на «возвратный потенциал» и на то, что «правительство Джона Байдена <...> признало взаимосвязь стратегических наступательных и оборонительных вооружений»²³⁶. По мнению А.Г. Арбатова, последнее обстоятельство «теоретически открывало путь к новым договорённостям в данной сфере»²³⁷.

Приостановка участия в договоре «угрожает полным разрывом полувекových эксклюзивных договорно-правовых стратеги-

---

²³¹ Там же. С. 65.

²³² Там же. С. 67.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. С. 68.

²³⁵ Арбатов А.Г. Многосторонний стратегический диалог: дилеммы и препятствия // МЭМО. 2023. №7. С. 17.

²³⁶ Там же. С. 9.

²³⁷ Там же.

ческих отношений двух ядерных сверхдержав»²³⁸, что «дополн[яет] общую глобальную конфронтацию России и Запада и [может] верн[уть] мир к парадигме худших времён холодной войны и неограниченной гонки вооружений»²³⁹.

А.Г. Арбатов не исключил, что США в качестве одной из «пожарных мер» задумаются о возвратном потенциале и о «расширени[и] намеченных стратегических программ в отсутствие любых ограничений на ядерные силы глобального класса»²⁴⁰.

Несмотря на то что «Россия имеет меньше ресурсов для такого военно-политического соперничества»²⁴¹, стоит помнить: «США будут <...> вынуждены одновременно соревноваться и с Китаем, а потому в долгосрочной перспективе динамика этого противостояния непредсказуема, даже при поддержке США со стороны НАТО, Японии, Австралии и Южной Кореи»²⁴².

Что касается «возобновлени[я] диалога по ограничению стратегических вооружений РФ и США», то оно, по мнению А.Г. Арбатова, возможно только «[п]ри условии благоприятных перемен в международной обстановке»²⁴³. Учёт ядерных сил Франции и Великобритании правомерен, но «диалог о подключении Великобритании и Франции потребует инновационных договорно-правовых форм»²⁴⁴ и давления на Францию и Великобританию со стороны США.

Определённым «стимулом <...> мог бы стать новый российско-американский договор о запрещении ракет средней дальности на Европейском континенте, а также об ограничении в этом регионе оперативно-тактического ядерного оружия как отдельного направления переговоров или части нового соглашения по РСМД»²⁴⁵. Впрочем, констатирует А.Г. Арбатов, «этот вопрос не удастся решить в рамках возврата к ДСНВ до истечения его

---

²³⁸ Там же. С. 18.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же. С. 10.

²⁴¹ Там же. С. 18.

²⁴² Там же.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же. С. 17. «Например, теоретически можно рассматривать вариант установления равных потолков на отдельный компонент стратегических сил и применение к нему регионально-географического принципа» (Там же).

²⁴⁵ Там же.

срока в 2026 г.»²⁴⁶.

В отношении КНР «Соединённым Штатам придётся разработать формат и предмет отдельных переговоров с КНР, который там сочли бы равноправным и выигрышным с точки зрения китайской национальной безопасности»²⁴⁷.

Налаживание диалога различных сторон должно учитывать принципиальные условия, необходимые для заключения соглашений. А.Г. Арбатов называет два условия: «стороны [должны] наход[ить]ся в отношениях взаимного ядерного сдерживания» и «между сторонами должно присутствовать примерное равенство (паритет) по стратегическим силам»²⁴⁸.

Однако ситуация для диалога и будущих соглашений может ещё больше усложниться, если принять во внимание проблематику многосферных операций, которые К.В. Богданов определяет как «объединение родов войск и видов вооружённых сил в единую операционную схему», в которой наряду с «классической триадой» («наземные, морские и воздушные силы») задействуются «космическое пространство, киберпространство <...>, а также информационный, или когнитивный, домен»²⁴⁹.

Основная опасность комплексного характера многосферных операций в рамках «доктрин[ы] градуированного применения сил и средств в континуальном пространстве конфронтации» состоит в том, что допускается «ведени[e] <...> боевых действий <...> и операций ниже порога вооружённого конфликта»²⁵⁰. При этом «[к]лючевым <...> становится принцип “кампаний”, подразумевающий группирование всех имеющихся потенциалов для решения поставленной задачи в зависимости от обстановки»²⁵¹.

Перманентный характер «кампаний», скорость привлечения и сменяемости участников, ресурсов и, «в силу сложности ткани стратегического ландшафта», «непреднамеренная и случайная эскалации» ведут к тому, что «[М]ирного времени <...> как отдельного периода не предусмотрено; есть лишь низкоуровневая

---

²⁴⁶ Там же. С. 18.

²⁴⁷ Там же. С. 17.

²⁴⁸ Там же. С. 15.

²⁴⁹ Богданов К.В. Указ. соч. С. 31.

²⁵⁰ Там же. С. 31-32.

²⁵¹ Там же. С. 32.

подготовка среды в интересах других, пока не задействованных сил и средств группировки, создание максимально выгодного контекста и среды проведения <...> будущих операций»²⁵².

Исходя из этого, сокращается период возможной деэскалации. Конфликтующие стороны вынуждены предупреждать заранее, до начала эскалации, о готовности пойти на определённые шаги. По мнению К.В. Богданова, потребуются подготовительные деэскалационные мероприятия: «диало[г] по доктринам и потенциалам, которые имеют стратегическое значение»; «каналы связи между высокопоставленными военными <...> и каналы для командующих на местах в зонах соприкосновения», «прозрачные схемы ограничения чётко определённых дестабилизирующих типов военной активности, их размаха»; понятные «требования к минимальному набору компетенций для переговорных команд»²⁵³.

С учётом этого «[a]рхитектура контроля над вооружениями, – отмечает К.В. Богданов, – способная устойчиво сглаживать возникающие эскалационные риски, с очевидностью не будет похожа на привычные “крупные формы”, преимущественным образом исполненные в виде больших юридически обязывающих соглашений. Предстоит разработать и адаптировать <...> гибкий, гибридный подход, подразумевающий взаимоувязанные по смыслу сочетания различных инструментов (от односторонних инициатив и многосторонних диалоговых площадок до классических жёстких соглашений с ратификацией), в том числе реализуемые с разным темпом в рамках одного единственного проблемного поля»²⁵⁴.

3.6. Обобщающий анализ

Авторы рассмотрели десять частично взаимоисключающих друг друга трансформационных процесса:

- продолжение гиперглобализации;
- ограничение глобализации;
- переход к парадигме сдерживания экономического роста;
- переформатирование национальной внешней политики;

---

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же. С. 36-37.

²⁵⁴ Там же. С. 37.

- формирование союзов и альянсов, в том числе «эластичных альянсов»;
- создание открытых проектов (например, проекта «Большая Евразия»);
- смена моделей и изменение соотношения подсистем развивающихся и богатых стран;
- реформа лидерства и его инструментария («интегрированное сдерживание», адаптивное лидерство в режиме «лайт»);
- отказ от разоружения;
- развитие парадигмы многосферных операций.

Объективность процессов бесспорна, а их противоречивость служит доказательством противоречивости среды международных отношений и закономерности трансформаций.

Для наглядности обоснования последующего вывода поставим к приведённым выше процессам практико-ориентированные вопросы:

1. В каком виде должна продолжаться глобализация: масштабном или сегментированном?;
2. Может ли ограничение экономического роста гарантировать сохранение существующих стандартов в различных сферах?;
3. Является ли процесс переформатирования внешних политик доминирующим в мире?;
4. С какими странами имеет смысл заключать “эластичные альянсы”?;
5. Сколько больших проектов должно быть в мире и (или) в регионе, чтобы, при необходимости, осуществить их конвергенцию?;
6. Ведёт ли смена моделей лидерства к устойчивому изменению соотношения подсистем развивающихся и богатых стран?;
7. Способно ли адаптивное лидерство в режиме “лайт” обеспечить стабильность?;
8. Связан ли отказ от разоружения с развитием парадигмы многосферных операций?

Из восьми заданных вопросов однозначные ответы можно дать на три (п. 3, 7, 8). Переформатирование внешних политик, действительно, является доминирующим процессом. Адаптив-

ное лидерство в режиме «лайт» едва ли способно обеспечить стабильность. И, наконец, изменения в стратегии и тактике войны пока препятствуют заключению соглашений о разоружении.

При ответе на остальные вопросы будут высказаны гипотезы, обсуждение которых стимулирует дискуссии, поскольку продолжение глобализации – это процесс согласия многих стран. В настоящее время речи о согласии не идёт.

Ограничение экономического роста может при определённых условиях, на этапе рационализированного использования ресурсов и разумного потребления, гарантировать сохранение стандартов. Однако не ясно, как долго и эффективно будут существовать и тем более развиваться в конкурентном мире данные ограничения, если их апологеты продолжают настаивать на отказе от идеологий.

Касательно «эластичных союзов» ответ может быть дан только ситуативно и точно, как это и сделали авторы предложения.

Количественный показатель больших проектов в мире и в регионе – крайне спорная тема, т.к. страны-лидеры заинтересованы реализовывать собственные проекты, но, формулируя проект, конвергенция, как правило, не является приоритетной.

Что касается смены моделей, то теоретически иное соотношение подсистем может и не быть устойчивым, несущим угрозу бывшим лидерам.

Таким образом, с точки зрения избегания или уменьшения конфликтности сложные разноплановые нарративы оказывают обратное воздействие: они необозримы, трудно систематизируются и тем самым поощряют конфликтность.

Отдельные темы в сложных нарративах крайне интересны, но для разработки систем безопасности и налаживания структурного диалога больше подходят иные нарративы, что и было показано во второй и в третьей главах.

Следовательно, требуемые нарративы нужно специально создавать, ими нужно управлять, вписывая содержащиеся в них смыслы в более узкие тематические пространства. Это существенно повышает практическую значимость полученных результатов и воздействие на партнёров²⁵⁵.

---

²⁵⁵ См. главы 7 и 8.

ГЛАВА 4. ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К НЕЙТРАЛИТЕТУ

4.1. «Швейцарский компромисс»²⁵⁶

По мнению швейцарских экспертов, главная внешнеполитическая опасность заключается в ослаблении²⁵⁷ системы коллективной безопасности в мире на фоне «великодержавн[ой] политик[и], образовани[я] блок[ов], проявляющихся региональн[ых] власт[ей]»²⁵⁸. Привычные структуры (ООН, агентства ООН, ОБСЕ) перестали эффективно функционировать, а крупные игроки начали активно решать собственные национальные задачи.

Утверждается, что Швейцария давно находится в «гибридной войне»²⁵⁹. Она оказалась один на один с «хаосом в мире». Эксперты ожидают, что «в среднесрочной перспективе могла бы сформироваться либо биполярность между США и Китаем, либо новая пентархия с США, Китаем, Россией, Европой и Индией»²⁶⁰. Ситуация с Европой трудно предсказуема, поскольку Европа может «стать большой жертвой <...> глобальной фрагментации»²⁶¹. Не исключены «новые разделы» и «прокси-войны»²⁶².

В условиях, когда Швейцария остаётся важным финансовым центром, соединяет крупные транспортные и энергетические пути Европы, эксперты опасаются, что страна может стать площадкой для прямой или косвенной провокации, поэтому ей необходима новая политика безопасности, которая «[по]служит всеобъемлюще и длительно интересам [страны] и [будет] соответств[овать] её ценностям» и которая будет «ориентир[овать]-

---

²⁵⁶ В августе 2023 г. в Швейцарии была создана комиссия для анализа текущей политики безопасности и разработки предложений к новой стратегии безопасности. Комиссию возглавил В. Фогт, бывший президент Союза работодателей страны. В комиссию вошли политологи, историки, представители парламентских партий, бизнеса, отставные чиновники. В августе 2024 г. комиссия подготовила доклад. С учётом официального характера деятельности комиссии и её широкого представительства анализ доклада положен в основу раздела 4.1. О нейтралитете Швейцарии см. также: Чернявский С.И. Швейцария – новое прочтение нейтралитета // МЭиМО. 2024. №4. С. 26-34.

²⁵⁷ Другой вариант – «в угрозе».

²⁵⁸ Bericht der Studienkommission Sicherheitspolitik. Bern, 2024. S. 22.

²⁵⁹ Ibid. S. 8, 12, 23.

²⁶⁰ Ibid. S. 7, 22.

²⁶¹ Ibid. S. 8, 22.

²⁶² Ibid.

ся не только на целостность государства, но и на всю сферу качества жизни граждан»²⁶³.

Поскольку Швейцария не в состоянии изменить геополитические реалии, она должна принять следующие аксиомы своей новой политики безопасности: «На обозримую перспективу НАТО останется гарантом безопасности Европы. Он – образец для современных армий и определяет стандарты западных технологий в сфере вооружений»²⁶⁴.

Оборонное сотрудничество с НАТО не угрожает нейтралитету и суверенитету страны до тех пор, пока решения в альянсе принимаются «в политической сфере свободно»²⁶⁵. Интерес к такому сотрудничеству определяется тем, что оно «основывается на системно подготавливаемых стандартах и процессах»²⁶⁶, позволяет получить недостающие военные компетенции.

Сориентированное «на общую обороноспособность» сотрудничество с НАТО в области «совместного обучения, двусторонних и многосторонних учений, адаптации <...> правовых основ, а также совместной защиты от управляемых баллистических вооружений» должно быть дополнено сотрудничеством с ЕС²⁶⁷.

Но прежде всего Швейцарии, замечают эксперты, предстоит решить национальные задачи: «получить обзор критических и стратегических товаров, диверсифицировать цепочки поставок, гармонизировать <...> процессы допуска на рынок и укрепить экономику замкнутого цикла»²⁶⁸; довести финансирование армии до 1% ВВП; подготовить население к новой политике безопасности и «соответственности за Европу»²⁶⁹.

Подготовка населения среди прочего должна затронуть гражданскую оборону. Наряду с повышением общего уровня знаний в этой области эксперты рекомендовали объединить альтернативную военную службу и гражданскую оборону. В результате такого объединения появится квалифицированный персонал,

---

²⁶³ Ibid. S. 5, 16.

²⁶⁴ Ibid. S. 32.

²⁶⁵ Ibid.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Ibid. S. 10

²⁶⁸ Ibid. S. 15.

²⁶⁹ Ibid. S. 29.

способный отреагировать на кризисные и техногенные ситуации, оказать помощь мирному населению во время военных конфликтов.

Кроме того, населению следует разъяснить суть политики безопасности и дезинформационных кампаний. Получающие от конфедерации субсидии СМИ и СМИ с государственным и кантональным участием «обязаны предпринять превентивные шаги в борьбе с дезинформацией и акциями по оказанию влияния».

Лица с двойным гражданством, ранее освобождённые от несения воинской повинности как постоянно проживающие за пределами Швейцарии, обязаны проходить срочную военную службу. Возраст для обучения в школе рекрутов должен быть поднят до 35 лет. И, наконец, последняя задача политики подготовки населения – обеспечить понимание возможного снижения социального уровня.

Со своей стороны, парламентариям необходимо расширить полномочия спецслужб; правительству – улучшить поддержку оборонной промышленности, которая, по мнению экспертов, содействует инновациям, промышленно-техническим, технологическим и политическим связям Швейцарии с ЕС. Поэтому многие экспортеры поддержали снятие ограничений с экспорта вооружений.

Подходы к нейтралитету должны также измениться. Нормы Гаагской конвенции 1907 г. с одинаковым отношением к воюющим сторонам и запретом на их поддержку вооружением признаются устаревшими, поскольку нейтралитет в конвенции трактуется через прямое военное столкновение нескольких держав, армий и флотов. Воздушное пространство, экономика, пропаганда и «современные формы ведения войны» под конвенцию 1907 г. не подпадают. На основании этого делается заключение, что речь идёт не о договорных обязательствах страны, а о неформальном и добровольном распространении Швейцарией норм конвенции на вновь возникающие ситуации и обстоятельства.

В документах ООН, полагает бóльшая часть швейцарских экспертов, присутствуют другие, более важные для политики нейтралитета, понятия – «жертва» и «агрессор». По их мнению, конвенция 1907 г. вступает в противоречие с положениями ст. 51

Устава ООН и содержащимся в ней правом на защиту. Из этого выводится вывод об отсутствии единой, «признанной в мире концепции нейтралитета и связанного с ней обязательного международного нейтрального права».

При этом допускается свобода действий правительства Швейцарии, которое может принимать решения как в соответствии с Уставом ООН, так и опираться на конвенцию 1907 г. Фактически правительство уже проводит данную политику: например, если отсутствуют решения Совбеза ООН и «не функционирует система коллективной безопасности», то приоритет приобретают положения конвенции.

С точки зрения ряда экспертов, в отношении агрессора Швейцария не может оставаться нейтральной. Устав ООН, возражают другие эксперты, не содержит «специфических правил для нейтральных государств на случай войны»²⁷⁰. Швейцарии как нейтральному государству придётся подстраиваться под политические обстоятельства. Последствия могут оказаться непредсказуемыми, поскольку отпадут защищающие страну правовые основания. Некоторые эксперты не согласны с этим и продолжают «выступать за <...> ситуативный нейтралитет»²⁷¹. В свою очередь, с ними спорят те, кто не исключает «между народного ренессанса» нейтрального статуса.

В настоящее время согласованный компромисс выглядит следующим образом: Швейцария не должна отказываться от нейтралитета, в т.ч. из-за политических и имиджевых дивидендов для себя. Однако необходимо различать политику нейтралитета и недостаточно регламентированный правовой феномен нейтралитета.

В политике нейтралитета необходимо проявлять гибкость. Констатируется, что «[п]о отношению к нейтральному праву политика нейтралитета должна вновь приобрести больший вес»²⁷². Нейтралитет называется «инструментом, а не целью государства»²⁷³.

Одновременно с этим признаётся необходимость уточнения

---

²⁷⁰ Ibid. S. 28.

²⁷¹ Ibid. S. 29.

²⁷² Ibid.

²⁷³ Ibid. S. 8, 30.

международного нейтрального права, но над этим уточнением предстоит работать только после реформы ООН, придания Организации «более дееспособной» формы. В этом контексте косвенно указывается на использование в Организации «западных ценностей». Поэтому Швейцарии рекомендуется пока поддерживать «генеральную реформу системы» ООН.

4.2. Приоритеты Австрии

По мнению австрийских экспертов, динамичное понимание нейтрального статуса Австрии с двумя самостоятельными «путями военного нейтралитета и европейской политики солидарности» соответствует национальным задачам²⁷⁴.

Страна проводит «политику активного суверенитета». Положение о том, что «Устав ООН приоритетен по сравнению с [национальным] законом о нейтралитете»²⁷⁵, утвердилось в период холодной войны и не вызвало возражений партнёров. Делюре, отмечают эксперты, Гаагская конвенция 1907 г. и признанное в ней «законное право на ведение войны» была «заменена на закреплённый в Уставе ООН запрет на применение силы»²⁷⁶.

В 2001 г. в «Доктрине безопасности и обороны» Австрийской Республики отсутствовало упоминание нейтралитета. Была принята формулировка «государство, не вступающее в альянсы»²⁷⁷. Тогда также не возникло сомнений в нейтральном статусе страны. В 2013 г. нейтралитет «вернулся» в «Доктрину безопасности», но его применение ограничивается войнами без мандата ООН.

Австрия, член ЕС, обязана оказывать помощь, поддержку и проявлять солидарность «[в] случае вооружённого нападения на территорию государства» ЕС, «террористического нападения», «природной катастрофы» или «катастрофы, вызванной действиями человека»²⁷⁸.

С точки зрения ряда экспертов, страна как правое государст-

---

²⁷⁴ Frank J. Zur Rolle des Bundesheeres in der Außenpolitik der Zweiten Republik. Wien, 2022. S. 33.

²⁷⁵ Hauser G. Das europäische Sicherheits- und Verteidigungssystem und seine Akteure. Wien, 2024. S. 109.

²⁷⁶ Ibid.

²⁷⁷ Ibid. S. 112.

²⁷⁸ Ibid. S. 110.

во и государство – член ООН несёт ответственность за соблюдение международного права и не может не участвовать в пресечении его нарушений, в том числе и с помощью собственных вооружённых сил, поскольку «[во] <...> взаимосвязи с международным правом для “нейтралитета” не остаётся места»²⁷⁹. Нейтралитет якобы «сам себя прекращает»²⁸⁰. Иначе, рассуждают сторонники данной позиции, нейтральное государство способствует эрозии системы международного права.

В юридическом плане возможное участие в пресечении нарушений может быть предотвращено отсутствием мандата Совбеза ООН. Однако солидарность с ЕС и указание на универсальную ценность международного права способны расширить трактовки нейтрального статуса. Тем более в Австрии имелся опыт неупоминания нейтралитета в официальных документах.

О начале движения в направлении возможного участия страны в пресечении нарушений международного права будут свидетельствовать дискуссии об отсутствии прямой взаимосвязи между международным правом и субъектами его применения и толкования, о самоценности международного права, об альтернативных способах фиксации нарушений, об ответственности государств и о борьбе с эрозией.

Пока же, полагают эксперты, Австрия должна решать прагматичную задачу перестройки политики безопасности на стратегическое планирование. Подчёркивается, что «[с]тратегия в своём современном виде общегосударственна»²⁸¹, поэтому в ней нужно комплексно соотнести все «государственные области»: «дипломатию, информацию, армию и экономику»²⁸². В процессе её разработки необходимо сначала ответить на вопрос «Зачем делать?»; правильно оценить имеющиеся национальные ресурсы; выделить требуемые ресурсы на пятилетнюю перспективу и провести «целеориентируемое согласование властных инструментов»²⁸³. Для этого Австрии придётся построить страте-

---

²⁷⁹ Alexa A. (Hrsg.) *Streitkräfte: Quo Vadis. Tagungsband der Militärwissenschaftlichen Tagung 2022 «Militär.Schafft.Wissen»*. Wien, 2023. S. 14.

²⁸⁰ *Ibid.* S. 15.

²⁸¹ *Ibid.* S. 20.

²⁸² *Ibid.*

²⁸³ *Ibid.* S. 24.

гическую культуру с ценностями и установками.

Кроме того, Австрии, где присутствует «дестабилизационный потенциал», утверждают эксперты, предстоит готовить армию и проармейские формирования к защите территории страны, подавлению внутренних беспорядков, вызванных «социальными, экономическими, политическими и религиозными конфликтами», противостоять кампаниям по дезинформации населения²⁸⁴.

Средством борьбы с дезинформациями является использование программ с искусственным интеллектом, позволяющим «своевременно распознать многомерные операции <...>, остающи[еся] за пределами прямых насильственных столкновений»²⁸⁵, и принять контрмеры. Функции координации борьбы со всеми угрозами должен выполнять «Национальный центр оценки ситуации».

Однако «[б]ез государств-участников, разделяющих общие политические цели, “стратегическая культура” не возникнет», а значит, – делают вывод эксперты, – “европеизации политики безопасности” <...> с австрийской оговоркой “без отказа от нейтралитета” альтернативы нет»²⁸⁶. Европеизация предусматривает защиту «европейской модели общества и свободы»²⁸⁷.

Несмотря на то что перспективы Общей политики безопасности и обороны ЕС неочевидны, австрийской армии следует быть «настолько готовой к европейской кооперации, насколько позволит реалистическая оценка положения, и настолько автономной, насколько необходимо»²⁸⁸, так как «[ч]ем лучше ЕС будет в состоянии устранять предполагаемые кризисы, тем безопаснее будет и Австрия»²⁸⁹.

Европа должна решать «сложные задачи», например, создать ПВО и ПРО. Неслучайно Австрия выразила готовность принять участие в программе европейской ПРО «*European Sky*

---

²⁸⁴ Ibid. S. 57.

²⁸⁵ Dengg A., Klerx J., Mak K., Peer A. Zukünftige Technologien im Kontext hybrider Bedrohungen. Wien, 2023. S. 6.

²⁸⁶ Alexa A. Op. cit. S. 33.

²⁸⁷ Frank J. Op. cit. S. 28.

²⁸⁸ Ibid. S. 28-29.

²⁸⁹ Ibid. S. 29.

Shield», но опять с оговоркой «самостоятельного контроля над австрийской частью программы»²⁹⁰.

По мнению австрийских экспертов, изменения отношений с США пока не потребуются, так как ситуация остаётся неясной. Продолжают действовать неформальные условия сотрудничества между НАТО и ЕС в сфере безопасности и обороны, в которых предусматривается отказ от дублирования организационных структур и планирования, отказ от взаимной дискриминации, право НАТО прекращать европейские военные операции. Однако реализация задач «Стратегического компаса ЕС» может вступить в противоречие с неформальными условиями сотрудничества.

Эксперты рекомендуют повторять, что «[у]спех НАТО основан на многонациональности», на сформированной политической, экономической и военной зависимости государств друг от друга, на том, что «[м]ногонациональность позволяет сторонникам «более сильного привлечения Украины, южного Кавказа и бывших советских центрально-азиатских республик» выступать за их интеграцию «в архитектуру евро-атлантической безопасности»²⁹¹; а применительно к «африканским, арабским и латиноамериканским государствам» говорить об «участии в возглавляемых НАТО операциях»²⁹².

Интересам Австрии, полагают эксперты, служит указание на то, что между ЕС и НАТО отсутствуют противоречия, а «общая политика безопасности и обороны уже достигала стратегического партнёрства с США»²⁹³.

Кроме того, в НАТО и в ЕС существует вводная установка о возможной «большой войне <...> против России», которая потребует «принятия мер», связанных с «увеличением военных резервов», а также мобилизации «в начале большой войны в Европе против России многих гражданских лиц»²⁹⁴. По всей видимости, Австрия не заинтересована в деэскалации, поскольку в настоящее время деэскалация будет препятствовать появле-

---

²⁹⁰ Hauser G. Op. cit. S. 110.

²⁹¹ Ibid. S. 49-50.

²⁹² Ibid. S. 50.

²⁹³ Ibid.

²⁹⁴ Ibid.

нию стратегической культуры и изменению общественного сознания в стране.

4.3. Обобщающий анализ

За прошедшие годы нейтральный статус продолжил изменяться. В Австрии изменения шли быстрее, в Швейцарии – медленнее. Именно по этой причине Швейцария приводит понимание своего нейтрального статуса в соответствии с австрийским.

Трансформации в мире и в Европе, национальные реформы в крупнейших европейских экономиках, проблемы коллективной системы безопасности заставили обе страны приспосабливаться к сложившимся реалиям.

Швейцарские эксперты, поскольку их страна – не член ЕС, делают акцент на евро-атлантическую безопасность, усиление сотрудничества с НАТО, более значимой, по их мнению, по сравнению с ЕС организацией. Отставание Швейцарии в сфере многостороннего военного сотрудничества, полагают эксперты, Швейцарии будет легче ликвидировать с НАТО. При этом речь пока не идёт об интеграции швейцарской армии в НАТО.

Австрийские эксперты рекомендуют сохранить имеющийся уровень сотрудничества с НАТО и сконцентрировать усилия на европейском сегменте евро-атлантического оборонного пространства.

По всей видимости, эксперты обеих стран предпочитают, чтобы Швейцария и Австрия «не раздражали» партнёров особыми позициями, но обращали их внимание на необходимость приоритетного решения национальных задач – подготовку населения, усовершенствование гражданской обороны, увеличение финансирования и модернизацию вооружённых сил. С их точки зрения, это позволит выиграть время и действовать, с учётом сложившихся тенденций, «на стороне победителя».

Национальные проекты («новая политика безопасности» и «стратегическое планирование»), которые должны обеспечить необходимое время для ожидания, в общих чертах сформулированы.

Конфликтная риторика об «агрессорах» и «жертвах» будет звучать, поскольку она служит средством сдерживания давления на Швейцарию и Австрию. К тому же обе страны демонст-

рируют приверженность ценностям, реализуют проекты «новой политики безопасности» и «стратегического планирования».

Самостоятельно внести альтернативные предложения и представить альтернативы, которые окажутся в состоянии видоизменить целевые установки подготавливаемой политики, Швейцария и Австрия не смогут.

Некоторые инициативы, если они не будут обременены взаимосвязанными условиями, страны могут поддержать. На наш взгляд, не стоит опасаться работы над новыми правовыми основами нейтрального статуса, нейтралитета и политики нейтралитета, а также избегать неидеологизированного обсуждения средств защиты международного права.

Дискуссия об альтернативных системах безопасности, допускающих участие Швейцарии и Австрии в евро-атлантическом пространстве, будет полезна в качестве сохранения конструктивной роли обеих стран в Европе и в мире.

При этом стоит понимать, что ряд процессов остановить не удастся, например: милитаризацию сознания населения, аргументацию через ценности, модернизацию вооружённых сил.

Таким образом, деконфликтный потенциал швейцарской и австрийской позиций заключается не в готовящихся в этих странах реформах, а в скорости их проведения и сохранении заинтересованности в функционировании коллективных систем безопасности.

ГЛАВА 5. ГЕРМАНСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

5.1. Стратегическое мышление и партнёры

Немецкие эксперты рекомендуют активнее формировать стратегическое мышление и развивать стратегические подходы с участием ФРГ в управлении кризисами; использовать для этого национальные механизмы антикризисной устойчивости и правительственной поддержки «затронутых [кризисами] государств»²⁹⁵, «экономико-политические и финансово-политиче-

---

²⁹⁵ Lukas S., Paradies M. Düstere Aussichten für den Nahen Osten: Russlands Angriffskrieg und seine Folgen für die regionale Ernährungssicherheit // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N2. S. 4.

ские меры»²⁹⁶, политику содействия развивающимся странам; вербовать новых партнёров; выделять стратегические направления»²⁹⁷.

Под стратегией понимается «коммуникация с собственными рядами и в собственных рядах»²⁹⁸. Правительство должно заботиться о «чётком формулировании ценностей и интересов, возможных пространствах реализации стратегии безопасности»²⁹⁹, «определить <...> конкретные цели и меры в различных политических областях»³⁰⁰.

Устойчивость «не означает быть готовым отразить любой риск»³⁰¹. Эффективная устойчивость – это наличие «системных свойств и факторов <...>, которые позволяют обществам и экономическим системам в периоды неожиданно наступивших кризисов реагировать подвижно и гибко, избегать [последствий кризисов], восстанавливаться и <...> трансформироваться»³⁰².

Эксперты полагают, что в будущем не удастся работать привычным дифференцированным инструментарием. Например, анализ региональной ситуации не может ориентироваться исключительно на регион. В нём должны присутствовать «европейские, трансатлантические и тихоокеанские перспективы»³⁰³, «мышление в альтернативных сценариях»³⁰⁴ и опора на партнёров, поскольку ни одна страна самостоятельно не справится с вызовами и кризисами, а вызовы и кризисы имеют составную природу. По мнению немецких экспертов, применение простой формулы «Больше реализма и больше фантазии» увеличивает «пространство для политических действий»³⁰⁵.

---

²⁹⁶ Ibid.

²⁹⁷ Часто упоминается и так называемое сырьевое сотрудничество.

²⁹⁸ Fuhrmann J. Ein Kompass für die Zeitenwende: Die Bundesregierung auf dem Weg zur nationalen Sicherheitsstrategie // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N3. S. 3.

²⁹⁹ Ibid. S. 5.

³⁰⁰ Rudloff B. Wirtschaftliche Resilienz: Kompass oder Catchword? Welche Fallstricke und Folgeeffekte die EU im Krisenmanagement beachten muss. Berlin, 2022. S. 31.

³⁰¹ Ibid.

³⁰² Ibid.

³⁰³ Hefe P. Mehr Realismus und Fantasie: Gedanken zu einer zukünftigen deutschen China-Politik // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N4. S. 1-2.

³⁰⁴ Ibid. S. 1-3.

³⁰⁵ Ibid. S. 5.

Германия должна считать партнёрами не только дружественные государства и союзников, но и негосударственные акторы (оппозиционеров), а также некоторые недружественные государства, если с последними возможно начать сотрудничество по важным направлениям «защиты окружающей среды и глобальных стандартов и норм»³⁰⁶.

В отношениях с Японией было бы правильно «выработать соглашение» о «взаимном предоставлении [вооружённым силам] топлива, продуктов питания и транспортных средств»; обсудить будущие «компетенции вооружённых сил <...> в виду технологических изменений»; договориться о сотрудничестве «в приобретении и разработке вооружений»³⁰⁷.

«Китаю важно послать сигнал <...> о желании продолжать <...> кооперацию» при условии, что будут учитываться интересы ЕС. Кроме того, предстоит «убедить Китай <...> в преимуществе соблюдения правил»³⁰⁸.

Предлагается развивать контакты с Тайванем, познакомить другие страны Тихоокеанского региона с возможностями Германии «в сфере защиты от иностранного влияния и дезинформации»³⁰⁹, вести диалог о «экономической безопасности и стабилизации цепочек поставок», «морской безопасности»³¹⁰, фи-

---

³⁰⁶ Ibid.

³⁰⁷ Sakaki A. Japans Zeitenwende: Neue Chancen für die Zusammenarbeit mit Europa // BAKS: Arbeitspapiere. 2023. N2. S. 6. См. также: Mölling C., Schütz T. Eine Industriepolitik für die Rüstung: Was Deutschland tun muss, um die Versorgung seiner Streitkräfte zu sichern // DGAP-MEMO. 2024. N. 4 p.

³⁰⁸ Stanzel A., Hörning C. Deutscher Balanceakt im Indo-Pazifik: Geostrategische Herausforderungen und Möglichkeiten für die Bundesrepublik // SWP-Aktuell. 2022. N64. S. 3-4.

³⁰⁹ Ibid. S. 4. С августа 2021 г. в Сингапуре работает «Региональный немецкий центр». Его задача – «противодействовать, на основе фактов о внешнеполитическом развитии и процессах в Тихоокеанском регионе, целенаправленной дезинформации».

³¹⁰ Ballbach E.J. Deutschland und Südkorea auf dem Weg zur strategischen Partnerschaft: Perspektiven der bilateralen Beziehungen // SWP-Aktuell. 2023. N61. S. 6. См. также в этом контексте другой любопытный вывод: «[З]а пределами европейских вод <...> имеется морская критическая инфраструктура. <...> в интересах Европы найти формы международной кооперации, которые способствовали бы защите этой отдалённой [от неё] инфраструктуры. Это может касаться как стратегических диалогов и усиленного обмена информации, так и совместных военных мер» (Voelsen D. (Hg.). Maritime kritische Infrastrukturen: Strategische Bedeutung und geeignete Schutzmaßnahmen. Berlin, 2024. S. 6).

нансировать проекты гражданских обществ. Принцип первоочередного инвестирования ресурсов в обновление контактов с «традиционными партнёрами» и переход на «стратегические партнёрства» является приоритетным.

Германия должна находить для себя новые возможности в центральноазиатском регионе³¹¹, в регионе Сахеля³¹², задуматься о временных ситуативных коалициях, поскольку «они представляют собой дополнительную опцию для государств, способных в военном отношении и проявляющих политическую волю»³¹³, и помнить о том, что «[с]траны, для которых преимущество имеет их экономическое развитие, ориентируются на тех, кто сделает им самые привлекательные предложения»³¹⁴.

В контактах со средними странами важно учесть, что эти страны «пытаются сократить угрозы безопасности», диверсифицировать «зависимости», сохранить «незаменимые региональные партнёрства в сфере безопасности»³¹⁵. Они стремятся к стра-

---

³¹¹ Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. Deutsche Zentralasienpolitik nach der «Zeitenwende»: Herausforderungen und Gestaltungsmöglichkeiten einer strategischen Partnerschaft // SWP-Aktuell. 2024. N30. 8 p.; Bötcher M., Broz L. (Hg.). Weltpolitische Unwägbarkeiten: Erkundungen der Zukunft. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024.

³¹² Tull D.M. Wie weiter in der Sahelpolitik? Zielkonflikte und begrenzte Handlungsoptionen // SWP-Aktuell. 2024. N19. 8 p. В регионе предлагается проводить политику, которую можно представить в виде задач сдерживания нежелательных «режимов» и правительств в малых и в средних странах. Задача 1: избегать стабилизации «режимов». Задача 2: исходить из того, что зона ответственности «режимов» может распространяться только на столицу и прилегающие к ней территории. Задача 3: выдвигать требование возвращения к «конституционному порядку». Задача 4: считать успехом «преодоление чрезвычайного положения». Задача 5: взвешенно применять санкции и ограничения, поскольку «они могут быть контрпродуктивными». Задача 6: «учитывать пределы дееспособности и популярность путчистов». Задача 7: продолжение дипломатических контактов «в умеренных пределах». Задача 8: «сократить до минимума» проекты и программы при условии, что оставшиеся проекты и программы не стабилизируют «режимы». Задача 8: оставшиеся проекты и программы использовать в качестве средства давления на «режимы», объясняя им шансы расширенной кооперации. Задача 9: выбирать партнёров для диалога в гражданском обществе (Ibid).

³¹³ Tull D.M. Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik? Berlin, 2022. S. 6.

³¹⁴ Lippert B., Mair S. (Hg.) Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik. Berlin, 2024. S. 6.

³¹⁵ Ibid.

тегической автономии, невмешательству, нейтралитету, многосторонности. Права человека не имеют для них особого значения.

С учётом этого Германии «важнее обеспечить <...> [их] связь с международным правом и правами человека» в понимании Устава ООН³¹⁶. С целью установления доверия на пользу пошла бы «самокритика дефицита западных демократий и двойных стандартов»³¹⁷. Германия могла бы стать инициатором расширения «“Большой семёрки” за счёт “средних демократических стран”»³¹⁸.

Участие ФРГ в разработке «Пакта будущего» ООН – это «своеобразная контрольная точка», когда становится понятно, «кто и за какой международный порядок выступает»³¹⁹. По мнению экспертов, это знание «могло бы помочь установить, кто был бы заинтересован <...> в оживлении “Альянса мультилатералистов”»³²⁰.

«Если смена эпох, – замечают эксперты, – должна удалась, то нужна особая культурная трансформация <...>. [Смена эпох] требует совершенно новой грамматики <...>. [Одна] часть этой новой грамматики – оформляющий фактор военной силы»³²¹. Другая часть заключается в «институционально-организационной перестройке», в чётких компетенциях, в избегании дублирования и «задержек в процессе принятия решений»³²², в замене политики реагирования на политику управления трансформациями на четырёх самостоятельных уровнях: ситуационной оценки, сотрудничества, конкуренции и кризисного менеджмента, превентивных действий.

Эксперты пришли к выводу, что «[н]овая безопасность Гер-

---

³¹⁶ Ibid. S. 8.

³¹⁷ Ibid.

³¹⁸ Ibid. S. 9.

³¹⁹ Beisheim M. Auf dem Weg zum Zukunftspakt der Vereinten Nationen // SWP-Aktuell. 2024. N20. S. 8.

³²⁰ Ibid. Об «Альянсе мультилатералистов» см. подробнее: Синдеев А.А. Германия и трансформационные процессы в сфере безопасности: подход Хайко Мааса // Общество: политика, экономика, право. 2019. №4. DOI: 10.24158/pep.2019.4.1

³²¹ Major C., Mölling C. Zum Zaudern keine Zeit // IP Spezial. 2023. N2. S. 8.

³²² Ibid.

мании» может «быть гарантирована в контексте [понимания] системных конфликтов»³²³, но первоначально политикам необходимо найти ответы на следующие вопросы: «Что должна делать оборона как элемент превентивных мер в сфере безопасности?»; «Как нужно организовать оборону на национальном уровне и с партнёрами?»; «Как Германия организует свою политику вооружения?».

Рекомендовано заняться просвещением населения в вопросах ядерного оружия, привлечь для этого вузы, журналистов, общественность, патронируемые католической и протестантской церквями академии³²⁴, улучшить работу научных «мозговых центров», предусмотреть для их сотрудников обязательные стажировки в министерствах и ведомствах Германии. Стажировки позволят получать адресные предложения. «Распространённые мечты о мире без ядерного оружия упускают из виду, что “ядерное будущее” нужно оформлять, а Германия <...> должна заявить о своих интересах», – пишут эксперты³²⁵.

5.2. Трансатлантические отношения

Некоторые эксперты смотрят скептически на внутривнутриполитическое развитие США. Если продолжат развиваться существующие тренды, – отмечают они, – «политическая поляризация между обоими большими партийными лагерями закрепит <...> раскол идентичности»³²⁶. Это приведёт «политическую систему к её границам» и США перестанут быть «дееспособной демократией», надёжным «партнёром в области внешней политики и в сфере безопасности»³²⁷.

У экспертов не вызывает сомнения, что страны ЕС должны «обеспечи[ва]ть безопасность и стабильность в Европе и <...> удержи[ва]ть США в Европе»³²⁸. Гарантии США расценивают-

---

³²³ Ibid. S. 11.

³²⁴ Kamp K.-H. Den nuklearen IQ Deutschlands stärken: Ein Plädoyer für mehr Realismus und eine besser informierte Debatte // BAKS: Arbeitspapiere. 2024. N2. 6 p. Подробнее о появлении этой тенденции см.: Синдеев А.А. На пути развития демократии: ФРГ и «Европа граждан» // МЭиМО. 2011. №7. С. 33-43.

³²⁵ Kamp K.-H. Op. cit. S. 6.

³²⁶ Overhaus M., Thimm J. Die USA auf dem Weg in die Systemkrise. Warum demokratische Institutionen erodieren // SWP-Aktuell. 2024. N16. S. 2.

³²⁷ Ibid. S. 8.

³²⁸ Puglierin J. Der Strategische Kompass. Ein Fahrplan für die Europäische Union

ся как ненадёжные.

Считается, что можно «удержать США в Европе», если выполнять обязательства в НАТО, расширить «концепцию рамочной нации», выступить за большую специализацию, диверсификацию внутри НАТО, между НАТО и ЕС³²⁹, «территориальные взносы»³³⁰, «укрепить <...> [европейскую] дееспособность в вопросах обороны»³³¹, развить «компетенции в сфере воздушного транспорта, разведки и контроля, а также [отдельно] – по самолётам-дозаправщикам»³³². Отказ европейцев от сотрудничества будет означать также появление новых спорных вопросов в торговых трансатлантических отношениях.

Параллельно с обязательствами в НАТО «Германия, Франция и Польша должны <...> сформулировать концептуальные основы европейской безопасности и обороны»³³³. Три государства должны «привлечь к идейному поиску Великобритании»³³⁴. В этот поиск нужно включить обсуждение европейского ядерного компонента, особенно вследствие «значения ядерного оружия в вооружённых силах и в стратегическом планировании» потенциальных противников³³⁵.

Эксперты пишут о необходимости повлиять на Канаду и Великобританию с целью «долгосрочного размещения их бригад в Эстонии и Латвии», поскольку «[п]одобный шаг покажет США, насколько важна для государств-членов по обе стороны Атлантики оборона партнёров»³³⁶.

---

als sicherheitspolitische Akteurin // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N7. S. 5; Matlé A., Gers H. Ein Gespenst geht um in der NATO: Die Zukunft von US-Sicherheitsgarantien für Europa // DGAP-MEMO. 2024. N8. S. 3.

³²⁹ О диверсификации см.: Kaim M., Kempin R. Die Neuvermessung der amerikanisch-europäischen Sicherheitsbeziehungen: Von Zeitenwende zu Zeitenwende. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024.

³³⁰ Для Германии речь идёт о «восточном фланге альянса». Loss R. Welches Dach über Europa? Bodengebundene Luftverteidigung nach der Zeitenwende // BAKS-Arbeitspapiere. 2024. N3. 7 p.; Janning J. Zeit zu handeln! Es braucht eine deutsche Strategie für Europa // DGAP-Kommentar. 2024. N2. S. 4.

³³¹ Matlé A., Gers H. Op. cit. S. 3.

³³² Ibid.

³³³ Ibid.

³³⁴ Ibid.

³³⁵ Matlé A. Die neue strategische Ausrichtung der USA. Worauf Deutschland besonders achten sollte // BAKS-Arbeitspapiere. 2023. N1. S. 4.

³³⁶ Matlé A., Gers H. Op. cit. S. 3; Matlé A. Op. cit. S. 4.

Кроме того, «Германия должна найти ответ на вопрос, как следует реагировать на требуемое США тесное соединение европейской безопасности и безопасности Индо-Тихоокеанском региона», «сигнализировать Китаю, что нападение на Тайвань повлечёт серьёзные последствия»³³⁷. Ряд экспертов полагает, что «[в]оенное участие за пределами Европы США не потребуют от своих европейских партнёров»³³⁸.

Обосновывается точка зрения, что «[е]вропейский суверенитет в обороне означает не роспуск НАТО, а паритет статусов с США, которые могут защитить себя и без Европы»³³⁹. Западный мир как в НАТО, так и в ЕС должен строиться на «взаимных зависимостях». Именно зависимости обеспечивают «добавочную стоимость». Нежелание некоторых стран ЕС углублять политику обороны и безопасности будет, по всей видимости, компенсировано за счёт коалиций с узким составом участников.

Приветствуется решение канцлера О. Шольца о размещении на территории страны американских ракет средней дальности в неядерном исполнении. Это решение якобы не содержит «никаких дополнительных больших рисков» по сравнению с «реальным риском ничегонеделания»³⁴⁰.

Настрой Шольца постоянно добиваться консенсуса в ЕС считается временным, поскольку «немецкая политика [не называет] Европу, которую она хочет [видеть]», а европейская солидарность пока «связана со специфической ситуацией Украины»³⁴¹.

Реформирование ЕС, утверждают эксперты, должно идти параллельно с реформами в НАТО. Претензия ЕС на геополитическую акторность должна содержать «определ[ение] территориальных пределов действий и границ [расширения]»³⁴².

Германии необходимо использовать потенциал альянсов,

---

³³⁷ Matlé A. Eine Neubetrachtung der Lastenteilung. Was Europa tun kann, um die USA von weiterer militärischer Unterstützung zu überzeugen // DGAP-Policy Brief. 2024. №6. S. 1, 6.

³³⁸ Kaim M., Kempin R. Op. cit. S. 6.

³³⁹ Lübkemeier E. Die Vermessung europäischer Souveränität Analyse und Agenda. Berlin, 2024. S. 6.

³⁴⁰ Schneider J., Arnold T. Gewichtig und richtig: weitreichende US-Mittelstreckenwaffen in Deutschland // SWP-Aktuell. 2024. N36. S. 4.

³⁴¹ Janning J. Op. cit. S. 1, 3.

³⁴² Ibid. S. 4.

прежде всего, в формате обновлённого франко-германского тандема³⁴³, нового германо-польского тандема и усиленного Веймарского треугольника. «Германия и Польша могли инициировать создание находящихся под единым командованием совместных конвенциональных вооружённых сил с общим комплектованием; разместить [их] на долгосрочной основе вдоль восточной границы, образовать сильную коалицию внутри НАТО и работать на консенсусы <...> в сфере безопасности и обороны ЕС»³⁴⁴. В экспертном сообществе существует инициатива «дополн[ить] Веймарский треугольник <...> Киевом, если там обсуждаются темы, касающиеся Украины»³⁴⁵.

К национальным задачам в сфере безопасности и обороны относятся следующие задачи: «привлекать ещё больше ресурсов <...> в начале операций», «форсировать модернизацию неевропейских вооружённых сил дополнительными финансовыми средствами, материалом и инструкторами», выбирать партнёров, способных определить, «какие и в какой степени структурные части западных вооружённых сил» будут заимствованы³⁴⁶.

Сам бундесвер должен прекратить оставаться «афганизированной армией», настроенной на стабилизационные операции за границей с комфортным графиком службы, приёмом пищи по расписанию, с выполнением ограниченного перечня задач³⁴⁷. Настрой бундесвера должен быть изменён на «культуру активных вооружённых сил» с «психологической готовностью сражаться и волей к мужественному несению службы»³⁴⁸, с внутриармейской солидарностью и солидарностью союзниками.

5.3. Обобщающий анализ

Планы ФРГ понятны. Эта ясность позволяет контрагентам

---

³⁴³ Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутривполитические факторы // Современная Европа. 2024. №1. С. 24-38; Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем и модернизация ЕС // Аналитические записки ИЕ РАН. 2024. Вып. II. С. 34-41.

³⁴⁴ Janning J. Op. cit. S. 7.

³⁴⁵ Nikel R. Gemeinsam sind wir stärker: Die Chancen der deutsch-polnischen Beziehungen // Internationale Politik. 2023. N2. S. 113.

³⁴⁶ Münch P. Der Zusammenbruch der Afghan National Army: Folgerungen für den Aufbau von Partnerstreitkräften // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N1. S. 4-5.

³⁴⁷ Fritz P., Steckel D. Mindset LV/BV: Das geistige Rüstzeug für die Bundeswehr in der Landes- und Bündnisverteidigung // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N9. S. 2.

³⁴⁸ Ibid. S. 3.

(потенциальным противникам) принимать опережающие решения и уменьшать конфликтный потенциал запланированных преобразований.

Германия пока конкретизирует свои приоритеты в НАТО и определяет их в ЕС, затем будет заниматься их гармонизацией, а потом появится среднесрочная стратегия. Поэтому на данном этапе в экспертном сообществе отсутствуют интеллектуальные табу. Допускаются любые предложения при условии, что они способствуют формулированию стратегических подходов и системно конкретизируют среднесрочные направления реформ и вноса ФРГ. На некоторые предложения экспертов имеет смысл обратить особое внимание.

Во-первых, трансатлантические отношения должны выстраиваться как многоуровневые отношения, взаимозависимости в них должны также возрастать. Многоуровневость может подразумевать появление на каком-то этапе развития «европейского ядерного оружия».

Во-вторых, необходимо создавать факты, способствовать защите «восточного фланга» НАТО, активнее привлекать кроме США Великобританию и Канаду.

В-третьих, Германии нужно время, чтобы модернизировать бундесвер, провести боевое слаживание внутри бундесвера и с НАТО.

В-четвёртых, необходимо расширять число партнёрств, идти по пути заключения т.н. стратегических партнёрств с проверенными странами, инициировать простые партнёрства по интересующим ФРГ направлениям со сложными «средними странами». Исходя из этого, важны траектория и потенциал партнёрств, а политическое, экономическое, финансовое, военное содержание при должном потенциале может играть на этапе их запуска второстепенную роль.

В-пятых, России будет рассматриваться в качестве «официального противника», поскольку без него в ФРГ не удастся ни формулирование стратегических подходов, ни системная конкретизация. Однако до настоящего времени концепция «официального противника» отсутствует. Воинственная риторика не может считаться концепцией.

Очевидно, что траектории сотрудничества и количество партнёрств постепенно будут сокращаться, стратегия станет менее амбициозной, системы упростятся. В период, когда это произойдёт, ФРГ можно считать договороспособной. До того момента речь идёт о неопределённостях, которые существенно мешают стране на этапе стратегического поиска и настройки.

ГЛАВА 6. ИТАЛЬЯНСКИЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ УЗЕЛ

6.1. Индо-тихоокеанский фактор

В контексте анализа индо-тихоокеанского фактора, влияния региона на геополитическую картину мира и участия в его развитии, итальянские эксперты соотносят процессы трансформации Запада и оформление Глобального Юга, выделяя применительно к последнему китайский и индийский подходы.

США как глобальный актер вызывают озабоченность в силу «национальной политической и идеологической поляризации», сопровождающейся в одних штатах «переносом производства» и «деиндустриализацией», в других – экономическим рывком и изменением на общенациональном уровне политического веса региональных элит³⁴⁹.

Долговая нагрузка США оценивается «в среднесрочной и долгосрочной перспективе» как дополнительный риск³⁵⁰, поскольку в настоящее время выплаты процентов по госдолгу превышают расходы на оборону и продолжают расти. Основные заграничные держатели американских государственных ценных бумаг ЕС, Япония и Китай сокращают их покупку, сигнализируя (прежде всего на примере ЕС и Японии) необходимость наладить бюджетную дисциплину и устранить угрозы снижения товарного обеспечения доллара.

Способность ЕС влиять на расклад сил в Индо-Тихоокеанском регионе³⁵¹ оценивается критически, поскольку «[п]ромыш-

---

³⁴⁹ Pero M.D. Stati Uniti: sette «swing states» per un voto storico. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/stati-uniti-sette-swing-states-per-un-voto-storico-187329> (дата обращения 26.10. 2024).

³⁵⁰ Galli G., Debito USA: il tetto che (per ora) non scotta. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/debito-usa-il-tetto-che-per-ora-non-scotta-186842> (дата обращения 18.10. 2024).

³⁵¹ О потенциале региона см.: Италия в кризисном мире: политика, экономи-

ленное будущее Европейского союза находится на <...> перепутье»³⁵². По мнению итальянских экспертов, это касается «не только традиционны[х] <...>, но и технологически прогрессивны[х] сектор[ов]»³⁵³.

Эксперты стремятся определить возможности Китая в регионе. Отмечается, что хотя КНР в сентябре 2024 г. начала реализовывать очередные «конъюнктурные пакеты», призванные «оживить» проблемные сектора – «недвижимость», «потребление» и «рынок капиталов», но «неструктурированная коммуникация» с общественностью и инвесторами, трудно прогнозируемые решения не позволяют говорить об «[устойчивости китайской] экономической модели»³⁵⁴. Эксперты констатируют, что новые трансформационные процессы усугубляют ситуацию, а раскручивающийся конфликт Пекина и Вашингтона побуждает Китай диверсифицировать контакты и делать ставку на Глобальный Юг³⁵⁵.

В этих условиях Италии, по всей видимости, крайне необходима «консолидация отношений» между США и Китаем, т.е. достижение стабильного состояния конфликта или противостояния с перспективой последующего выхода контрагентов на системный диалог по глобальным вопросам³⁵⁶. В силу предсказуемости, консолидация позволит итальянцам и европейцам действовать свободнее на китайском направлении, настаивать на

ка, общество / отв. ред. Е.С. Алексеенкова. М.: ИЕ РАН, 2024. С. 67-72.

³⁵² Cerai A.P., Gili A. Acciaio: il trilemma dell'Unione europea. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/acciaio-il-trilemma-dellunione-europea-186665> (дата обращения 12.10. 2024); Bruni F. L'orizzonte politico del Mercato unico dei capitali. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/lorizzonte-politico-del-mercato-unico-dei-capitali-183805> (дата обращения 21.09. 2024).

³⁵³ Ibid.

³⁵⁴ Fasulo F. Cina: Xi cerca stimoli. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/cina-xi-cerca-stimoli-188263> (дата обращения 26.10.2024).

³⁵⁵ О закономерном интересе КНР к БРИКС см. следующий вывод: «Несмотря на большую гетерогенность среди членов, БРИКС в мире повышенной фрагментации и поляризации между Севером и Югом представляет значимую силу» (Missaglia N. India: verso la leadership del sud globale, anche attraverso i BRICS? URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/india-verso-la-leadership-del-sud-globale-anche-attraverso-i-brics-187836> (дата обращения 22.10.2024)).

³⁵⁶ Pastori G. Cina-Usa: come stanno i rapporti tra le due superpotenze? URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/cina-usa-come-stanno-i-rapporti-tra-le-due-superpotenze-186252> (дата обращения 08.10.2024).

глобальной ответственности США и КНР. Пока же неясность течения и последствий готовящегося конфликта требует внимательной работы не только с президентской администрацией, но и с конгрессменами.

Давление американцев на ЕС в китайском вопросе по сравнению с тем, что «продолжает сохраняться <...> неопределённость <...>, какие последствия [азиатские приоритеты] окаж[ут] на позиционирование Соединённых Штатов в других сферах и как это повлияет на отношения с союзниками», не считается «большой проблемой»³⁵⁷.

Италия вынуждена действовать осторожно, нормализуя отношения с Китаем в нестратегических секторах, подчёркивая, что «между обеими странами возникли новые приоритеты экономического сотрудничества» и одновременно заботясь о контактах с другими странами региона³⁵⁸.

По мнению итальянских экспертов, цель политики ЕС в отношении КНР – «посадить Китай за стол переговоров для того, чтобы гарантировать справедливое экономическое партнёрство» с ним и попытаться уменьшить его контакты с Россией³⁵⁹. В качестве аргумента указывается на то, что сотрудничество России и КНР якобы ухудшает европейскую безопасность.

Если Брюссель лишь «нащупывает» баланс, то КНР, с точки зрения экспертов, использует двусторонние отношения с европейскими странами и намерена помешать реализации общей стратегии ЕС на китайском направлении. Переход Брюсселя к санкционированию китайского автопрома эксперты считают рискованным, поскольку за ним видны отказ от поиска баланса и опасность, особенно в контексте трактовки НАТО о Китае как

---

³⁵⁷ Ibid.

³⁵⁸ Fasulo F., Morselli P., Casanova G.A. Meloni a Pechino: 10 grafici per capire i rapporti Italia-Cina. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/meloni-a-pechino-10-grafici-per-capire-i-rapporti-italia-cina-181883> (дата обращения 27.07.2024). См. также: Buranelli F.C. Eurasia: giganti dell'energia e risiko geopolitico. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/eurasia-giganti-dellenergia-e-risiko-geopolitico-180597> (дата обращения 26.07.2024).

³⁵⁹ Di Carlo I. Unione Europea e Cina: tra dipendenze economiche e tensioni geopolitiche. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/unione-europea-e-cina-tra-dipendenze-economiche-e-tensioni-geopolitiche-186265> (дата обращения 08.10.2024).

о «системном вызове для евро-атлантической безопасности», непреднамеренно обострить отношения.

Итальянские эксперты предлагают компромиссный подход на основе объяснения китайским партнёрам, что странам Евросоюза «важно сконцентрировать усилия на многообещающих инвестициях в технологические инновации и на долгосрочном улучшении, с помощью принятия новой и более мужественной промышленной политики, конкурентоспособности европейских продуктов»³⁶⁰.

Позитивной для Запада является конкурентная борьба между Индией и КНР в регионе. Индия имеет преимущество «самой большой демократии в мире», готова воспользоваться недовольством в доминировании Запада, выполнять функцию моста между странами Запада и Глобального Юга.

Итальянские эксперты полагают, что Запад устраивает, что Индия не старается поддерживать «дедолларизацию»³⁶¹ и то, что Индия будет тормозить процесс расширения БРИКС, стремясь не допустить в организацию страны, симпатизирующие Пекину. По их мнению, БРИКС нужен Индии как средство давления на Запад и диверсификации отношений³⁶². Кроме того, «[п]редставление о многополярном мире идеально подходит к стремлению Индии усилить влияние на Глобальном Юге»³⁶³.

При этом Индии, в силу внутренних проблем³⁶⁴, поддержки Израиля, желания реализовать проект «экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа» будет «трудно удержать баланс»³⁶⁵.

---

³⁶⁰ Ibid.

³⁶¹ Missaglia N. India: verso la leadership del sud globale, anche attraverso i BRICS?...

³⁶² Ср. с выводом Ал.А. Громыко: «БРИКС не является гармоничной целостностью, имеет свои внутренние линии напряжения, но предлагает внушительные консолидирующие стимулы, уводящие противоречия на второй план» (Громыко Ал.А. БРИКС – конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // Аналитические записки ИЕ РАН. 2024. Вып. IV. С. 17).

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Missaglia N. India: i muscoli di Modi 3.0 nell'arena globale. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/india-i-muscoli-di-modi-3-0-nellarena-globale-181195> (дата обращения 26.07. 2024).

³⁶⁵ Missaglia N. India: verso la leadership del sud globale, anche attraverso i BRICS?...

6.2. Фактор «расширенного Средиземноморья»³⁶⁶

В регионе «расширенного Средиземноморья», непосредственно граничащим с Италией, ситуация является более сложной, так как он находится в состоянии фрагментации и поляризации.

В Ливии уровень бедности среди населения составляет 40%. Страна разделена на политические группы и кланы, переживает постоянные политические кризисы и конфликты, противостояние за влияние на назначение на должности, не может эффективно бороться с продажей субсидированного топлива за границу, модернизировать нефтегазовую инфраструктуру, вернуть нефтедобычу к прежним максимальным показателям, использовать возможности солнечной энергии³⁶⁷.

Египет подписал соглашение об обороне и протокол о военном сотрудничестве с Сомали, направил туда свои войска, обострив тем самым отношения с Эфиопией. Война в секторе Газа грозит перерасти в массовое бегство палестинцев. При этом в 2023 г. Египет уже принял 450 тыс. беженцев из Судана. Страна стремится активно укреплять партнёрские отношения. Поддерживая посреднические усилия Египта в урегулировании войны в секторе Газа, У. фон дер Ляйен в июле 2024 г. заявила о планах европейских фирм инвестировать в египетскую экономику «более 43 млрд долларов»³⁶⁸. Каир восстановил дипломатические отношения с Анкарой³⁶⁹. Итальянские эксперты полагают, что причина среди прочего заключается в важности сотрудничества с турецкой оборонной промышленностью.

Алжир стоит перед очередным этапом реформ, сокращени-

---

³⁶⁶ Несмотря на большое количество аналитических публикаций, автор решил не рассматривать ближневосточный конфликт, поскольку он далёк от своего разрешения.

³⁶⁷ Liga A. Libia: il «rentier state» fallito. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/libia-il-rentier-state-fallito-188159> (дата обращения 26.10.2024).

³⁶⁸ Melcangi A. Egitto: sotto pressione, da Gaza al Corno d’Africa. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/egitto-sotto-pressione-da-gaza-al-corno-dafrica-184375> (дата обращения 25.09.2024); Melcangi A. Egitto: cambio di passo o fuoco fatuo? URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/egitto-cambio-di-passo-o-fuoco-fatuo-179826> (дата обращения 11.07.2024).

³⁶⁹ Talbot V. Turchia: Erdoğan non supera la prova del voto. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/turchia-erdogan-non-supera-la-prova-del-voto-170578> (дата обращения 19.04.2024).

ем дефицита госбюджета и урезанием субсидий³⁷⁰.

В западноафриканском регионе наблюдаются институциональные изменения, теряется престиж ЭКОВАС. И если Италия «поддерживает конструктивные отношения с Нигером»³⁷¹, сохраняет там военную миссию, выслушивает упреки в свой адрес от ряда стран ЕС, что она растрчивает нужные в Европе ресурсы, то Франция содействует конфликтам и противостоянию между Нигером и Бенином, между Буркина-Фасо и Кот-д'Ивуаром, между Мали и Мавританией.

Региональные державы Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты заняты решением собственных национальных задач. С одной стороны, обе страны объединяет то, что «платформа БРИКС [для них] – это геэкономический и тем самым геополитический инструмент» влияния³⁷². По мнению итальянских экспертов, БРИКС предоставляет им возможность «преобразовать экономический в политический вес», добиваться «консолидации [своего статуса] региональных держав», повышать оперативные возможности на региональном и глобальном уровне³⁷³. С другой стороны, ОАЭ выступает за *ad-hoc* коалиции, а саудиты добиваются заключения оборонного пакта с американскими гарантиями. США же настаивают на ограничениях в «сотрудничестве в технологической и оборонной сферах» с Китаем³⁷⁴. В то время как ОАЭ, «важный партнёр [США] в сфере обороны», только сократили инвестиции в китайские технологические секторы³⁷⁵.

---

³⁷⁰ Borsari F. Algeria: Tebboune rieleto, ma l'astensionismo è il vero vincitore. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/algeria-tebboune-rieletto-ma-lastensionismo-e-il-vero-vincitore-184369> (дата обращения 25.09.2024).

³⁷¹ Raineri L. Niger: cosa è cambiato a un anno dal golpe. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/niger-cosa-e-cambiato-a-un-anno-dal-golpe-184421> (дата обращения 25.09.2024).

³⁷² Ardemagni E. Arabia Saudita ed Emirati: nei BRICS ma «a due velocità». URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/arabia-saudita-ed-emirati-nei-brics-ma-a-due-velocita-187819> (дата обращения 22.10.2024); Ardemagni E. Arabia Saudita – EAU: sul fronte AI meglio scegliere gli USA. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/arabia-saudita-eau-sul-fronte-ai-meglio-scegliere-gli-usa-180772> (дата обращения 21.09.2024).

³⁷³ Ardemagni E. Arabia Saudita ed Emirati...

³⁷⁴ Ibid.

³⁷⁵ Ibid.

6.3. Обобщающий анализ

Итальянские эксперты изучают модели и варианты сотрудничества, отслеживают, как отдельные страны справляются в условиях ограниченных возможностей, трансформаций и конфликтов с трудностями; какие открываются для них перспективы³⁷⁶.

Интерес к моделям имеет практическую сторону: после частичного восстановления стабильности и предсказуемости в мире страна как «средняя держава» начнёт, по всей видимости, апробировать возможности гибкой вариативной политики в рамках ЕС и НАТО³⁷⁷, поскольку в мире, где многое – не ясно, многое – возможно³⁷⁸.

По этой причине итальянские эксперты предпочитают не писать о стратегии и стратегических подходах. Напряжённость и текущая неочевидность удерживают Италию от декларирования стратегии³⁷⁹. Впрочем, стратегические подходы, когда они

---

³⁷⁶ Pigoli A. Africa: un nuovo Eldorado per gli investitori. URL: <https://www.ispi.online.it/publicazione/africa-un-nuovo-eldorado-per-gli-investitori-165470> (дата обращения 07.03.2024). О «плане Маттеи» см.: Арбатова Н.К. Внешняя политика Мелони: между Брюсселем и Вашингтоном // Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество... С. 64-65.

³⁷⁷ Нужно, правда, учитывать кумулятивные эффекты. Об одном из них Д.А. Данилов написал следующее: «Кумулятивный эффект политики Трампа состоит не в том, что Европа/ЕС укрепила солидарность в противостоянии доминированию США, а в том, что европейская политика оказалась в ещё большей зависимости от американского “возвращения”. Обоюдная заинтересованность в преодолении наследия Трампа, в свою очередь, выводит США из опасной зоны европейского антиамериканизма и раскрывает новые окна возможностей для “доверительного лидерства” США» (Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. №5. С. 23).

³⁷⁸ О предпосылках к этому см. вывод Н.К. Арбатовой о внешней политике Дж. Мелони: «В каком-то смысле Дж. Мелони являет собой пример современного голлизма. Она хочет не только повысить вес своей страны в международных отношениях, но и перестроить Европейский союз в соответствии с собственными идеологическими установками» (Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество... С. 57). Г.Н. Иванов и Е.А. Маслова пишут о многосторонности: «[М]ультилатерализм в широком понимании всё время оставался основополагающим принципом итальянской внешней политики, при этом каждый премьер расставлял свои акценты» (Иванов Г.Н., Маслова Е.А. Мультилатерализм как основа внешней политики Италии // Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество... С. 90).

³⁷⁹ Вывод автора подтверждают коллеги: «У Италии пока нет чётко сформулированной стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе» (Михайленко В.И., Пьянникова Д.Е. Продвижение итальянских национальных интересов в Индо-

будут сформулированы, не будут одинаковыми. Об этом свидетельствуют формирующиеся индо-тихоокеанский фактор и фактор «расширенного Средиземноморья».

Интерес Италии к сотрудничеству с партнёрами вне ЕС будет преимущественно зависеть от угроз для неё в регионе «расширенного Средиземноморья» и выгод в Индо-Тихоокеанском регионе.

ГЛАВА 7. СИСТЕМЫ РАЗЛИЧИЙ

7.1. Суть понятия «различие»

Различия не приводят автоматически к конфликту³⁸⁰. Они существуют в мире априори. Государства и общества научились с ними успешно справляться. Многие из внутривнутриполитических и внешнеполитических различий не препятствуют реализации национальных и международных целей, программ и планов.

Любые различия можно использовать для разжигания конфликтов, если преувеличивать их опасность и обосновывать квазилогические взаимосвязи, как это, например, делает Запад в отношении украинского конфликта.

Известно, что Соединённые Штаты не готовы защищать европейских союзников в прежнем объёме. Много лет ведутся дискуссии об увеличении вноса на оборону. Были взяты определённые обязательства, но их выполнение в пацифистски настроенных западных демократиях затруднено. Появляется украинский кризис, и европейские союзники США начали говорить

Тихоокеанском регионе в XXI в. // Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество... С. 72). См. также анализ идей М. Бонавита и границы текущих возможностей: Михайленко В.И., Пьянникова Д.Е. Указ. соч. С. 74-83.
³⁸⁰ Автор предпочитает писать о различиях, а не об отличиях, поскольку различия не могут быть фундаментальными и непреодолимыми. К тому же длительное время присутствует понимание различий. См. вывод Д.А. Данилова 2021 г.: «России предстоит принять принципиальное решение о будущем формате политико-дипломатических отношений с ЕС (с учётом фактически закрытой перспективы восстановления системного диалога); выстраивать отношения с США без расчёта на “отрезвляющее” влияние “европейской автономии”; переводить двусторонние отношения с европейскими партнёрами (странами и институтами) в максимально прагматичную плоскость, снижая давление геополитических аспектов» (Данилов Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №2. С. 13).

о «российской опасности», заявлять о готовности России напасть на НАТО к 2030 г.

Данные заявления свидетельствуют о признании собственных политических просчётов, о стремлении форсировано провести модернизацию армий, снизить непривлекательность милитаризации в глазах граждан. Именно поэтому рассуждения о будущем 2030 г. ведутся не аргументировано, а эмоционально.

С украинским кризисом прямой связи не существует, поскольку не внесено ни одного компромиссного предложения: например, предложения об обязательстве Украины не вступать в НАТО в течение 15–20 лет с последующим общенациональным референдумом по вопросу членства страны в НАТО.

Со временем украинский кризис будет урегулирован за столом переговоров, но в силу объективных обстоятельств разбирать которые не является предметом нашего исследования, останется конфликтный потенциал между Россией и Украиной. Страны Запада, прикрываясь отговорками, будут активно его разрабатывать и использовать. Таким образом, некоторые различия легко инструментализировать. Тогда они становятся факторами и существуют по иным социальным правилам и траекториям.

Различия можно теоретически разделить на структурные, нормативные и ситуативные. Структурные различия строятся на понимании будущей цели функционирования организаций, институтов, пространства. В актуальном противопоставлении речь идёт о многополярности и мультилатерализме (многосторонности). Вследствие масштабности, переадресации к будущему, содержательной открытости и понятийной подвижности структурные различия не могут быть инструментализированы. Они либо принимаются, либо отвергаются сторонниками, число которых на каждом этапе может возрастать или сокращаться.

Нормативные различия – это отличия в основополагающих принципах, ценностях, интересах. Они подвержены инструментализации только через сакральное декларирование ценностно-идеологического превосходства, а значит – содержат конфликтный потенциал в ограниченных случаях. Указание на международное право нейтрализует конфликтный потенциал практически в любом нормативном различии.

Существуют также смешанные структурно-нормативные различия. Они потенциально конфликты, когда превращаются в устойчивые противостоящие друг другу интеллектуальные комплексы различий. В них легко выстраиваются верные в правовом плане логические цепочки, которые неизменно завершаются констатацией права на защиту.

Так, если НАТО не желает принимать определённые страны, ставит выше международного права и международных организаций западные ценности и порядок, основанный на правилах, следовательно, данная организация потенциально опасна и может считаться из-за своей непрозрачности, нежелания работать в форматах взаимодействия, потенциальным нарушителем. И хотя нормы права начинают применяться в конкретной ситуации нарушения, требуется учёт всех обстоятельств, реакция на потенциального нарушителя не может быть сдержанной.

Начинается дискуссия о возможных превентивных профилактических мерах. Если данную дискуссию провести широко, открыто и грамотно, привлечь национальных и международных специалистов, придать обсуждению практический характер размышления о международном и национальном узаконивании превентивных профилактических мер, вести работу регулярно и длительно, то минимальным результатом станет привлечение новых сторонников, максимальным – ответные шаги визави и даже совершенствование международного права.

Отказ от сложной плановой работы над структурно-нормативными различиями усиливает конфликтный потенциал и является питательной почвой для ситуативных различий, возникновение которых обусловлено временным восприятием и проявлениями структурно-нормативных различий. Рождается нежелательная двойная зависимость.

Теряются обозримость, контроль, управление. Возвращение к исходной ситуации невозможно, т.к. стороны будут приводить взаимоисключающие факты и упрекать друг друга. Привычные рекомендации по деэскалации перестают работать. Нужно ждать признания сложившегося положения вещей – «новой нормальности». Единственный положительный эффект состоит в том, что развитие конфликта на основе одного комплекса структур-

но-нормативных различий приостанавливает интеллектуальное раскручивание других комплексов. По крайней мере, их можно контролировать.

Волатильность ситуативных различий не подлежит регулированию. Опасны их количество, скорость появления, частота взброса в информационное пространство, созданные с их помощью интерпретации, слабость систематизации, переработки, стремление постоянно реагировать на них.

Совместные варианты с ними невозможны, если не считать квазисовместного варианта, при котором одни и те же смыслы транслируются несколькими сторонами. Попытки прийти к «общему знаменателю» трудозатратны, а с точки зрения результата – неэффективны. Ситуативными различиями можно управлять только в пределах национального интеллектуального пространства, если наладить систему диалога и отойти от одновременного обсуждения составных нарративов.

Реагировать на ситуативные различия в дискуссиях с международными партнёрами целесообразно при условии, что лежащие в их основе идеи и предложения могут перейти в ранг нормативных, структурных или структурно-смешанных различий, а также когда существует необходимость придать определённому структурному различию доминирующий характер и дезориентировать потенциального противника, т.е. не в период раскрутки структурно-нормативного комплекса различий.

Структурными и нормативными различиями занимаются политологи-практики, поскольку компромиссы заключаются на основе внимательного сопоставления, сравнения, соглашения о постоянном или временном «выключении» различий данного вида. Структурно-нормативные комплексы различий значимы для историков и политологов-теоретиков.

Научный интерес к ситуативным различиям должен заключаться только в их систематизации в рамках национального интеллектуального пространства, в динамичном выявлении направлений развития, идейного потенциала, в описании «картины будущего» – того, что может возникнуть, если ситуативные различия превратятся из фактов научной реальности в факты обыденной реальности, станут частью массового сознания.

Важно понимать актуальные условия научного анализа. В настоящее время структурно-нормативный комплекс сформировался. Большинство ситуативных различий являются его производными. Если количество предложенных смыслов и идей велико, то интеллектуальное осмысление структурно-нормативного комплекса лишь началось. Если же количество обсуждаемых идей ограничено, то подобные дискуссии, по всей видимости, велись ранее и соответствующие государственные структуры подготовлены к изменениям. Понимание этого позволяет проиллюстрировать значение грамотной работы с интеллектуальными пространствами.

7.2. Российские варианты систем различий

Количество идей-предложений в нашем интеллектуальном пространстве велико. Суммируя идеи-предложения коллег, можно сформировать следующий список: необходимо решать национальные задачи и укреплять страну; нужна объединяющая идеология; универсализм переживает кризис; западная модель исчерпала свой потенциал; НАТО играет дестабилизирующую роль; малые и средние страны заинтересованы в коалициях, чтобы противостоять крупным; нужно развивать сбалансированное стратегическое партнёрство с Китаем; требуется развитие «примаковского треугольника»; необходимо перейти на стратегическое сдерживание Запада; необходимо отказаться от стратегического сдерживания; следует продумать политику динамичной напряжённости; необходимо использовать инструменты ядерного устрашения; нужно создавать новую архитектуру контроля над вооружениями.

Применительно к изучаемому предмету допустимы два варианта приведения идей-предложений к «общему знаменателю». Эти варианты могут быть положены в основу размышлений о будущих системах безопасности.

В первом варианте должна быть предпринята попытка обобщить все идеи-предложения масштабно – с точки зрения интересов России, малых, средних и крупных стран. В логике этого варианта универсализм переживает кризис, но исчезает не полностью, возможно возрождение универсалистской западной политики, сохраняются присущие универсализму опасности. Вос-

крешение универсализма может произойти в усечённом биполярном оформлении – с самостоятельными моделями внутри каждого полюса.

Малые и средние страны не захотят упустить шанс решить собственные задачи. Они, где это необходимо, пойдут на компромиссы, но проявят настойчивость, чтобы добиться свободы для себя в финансово-торговой политике и наверняка будут обосновывать свободу указанием на финансирование оборонных расходов. С разной степенью обязательности малые и средние страны могут поддерживать многосторонность. Поддержка будет зависеть от долгосрочных выгод в финансовой и торговой политике, разрабатываемых проектов.

Дестабилизирующая роль НАТО для них не имеет особого значения, если альянс сдерживает Россию и не мешает развивать их торговые и финансовые связи. В период реформ западные страны останутся глухи к «кризису западной модели», поскольку кризис, если он и имеет место быть, является стимулом проводить реформаторскую политику. Незападные страны заинтересуются кризисом при условии, что его упоминание позволит извлечь выгоду. Крупные страны (Индия и Китай) проходят этап ускоренных трансформаций. Они настраиваются на (со)лидерство и конкурентную борьбу с США.

Россия останется под пристальным наблюдением. Если наша страна пойдёт на стратегическое сдерживание Запада, то интерес к ней в вопросе долгосрочного планирования будет зависеть от аккумулированных на сдерживание ресурсов и оценок возможностей реализации собственных проектов и участия в проектах партнёров. По всей видимости, полностью отказываться от сдерживания не имеет смысла, но при этом стоит помнить: лучшее сдерживание – это успех национальной политики и выполнение национальных задач.

Динамичное напряжение в целом излишне, поскольку международная среда сама по себе напряжена и останется таковой в среднесрочной перспективе. Дополнительное напряжение станет поводом для упрёков в раскручивании ситуации.

Особое внимание привлекут структурные контакты России с партнёрами, когда речь пойдёт об институтах и обязательст-

вах. Неструктурные контакты будут использованы как средство сдерживания. Не исключено, что будут предприняты попытки причинить вред неструктурным контактам. Следовательно, документальное структурирование контактов, их строгое последующее выполнение – главные условия успеха в международных отношениях на современном этапе.

Украинский конфликт не может быть длительным сдерживающим фактором в сотрудничестве с нашей страной для большинства партнёров, если Россия продолжит реализовывать свои задачи планоно и грамотно. В силу привычки и текущих проблем усталость от конфликта будет возрастать. Западные страны не в состоянии позволить себе постоянное финансирование конфликта. Конфликт вредит их имиджу, увеличивает социальную напряжённость, которую не удастся сдерживать упоминаниями «агрессии России» и «защитой западных ценностей». Кроме того, успех собственных национальных реформ не совместим с продолжением украинского конфликта.

Использование инструментов ядерного сдерживания должно быть сбалансировано и обосновано. Готовность их применить и потенциальная опасность не должны скрываться от партнёров и контрагентов. В условиях многих неопределённостей новая архитектура контроля над вооружениями является дискуссионным научным вопросом, его целесообразно на некоторое время вывести из практической плоскости и перевести в формат закрытых дискуссий, точно публикуя программные статьи для информирования российской общественности и придания международному обсуждению нужного нашей стране направления.

Комплексная реализация всех предложений первого варианта невозможна. Управляемая приоритетность будет предполагать решение национальных задач, развитие отношений с партнёрами, согласование общих проектов и обсуждение перспектив, принципов многополярности и будущего мироустройства – того, что соответствует подготовительному этапу.

Если подготовительный этап затянется, то новая система безопасности будет появляться эволюционно через утверждение значимости и выгоды контактов, принципов и форм, осознания

и последующего признания важности их защиты. Медленность структурирования, нечёткая географическая включённость могут быть использованы контрагентами в своих целях. Возникающая на основе длительной подготовки система практически всегда является устойчивой, но она, именно из-за длительного периода возникновения, не может быть полностью сбалансированной, поэтому в ней нужно специально учитывать антикризисные механизмы.

Интерес к длительному этапу подготовки может быть оправдан. В этом случае имеет смысл продумать научное сопровождение, состав участников и сценарии. Открытое обсуждение внутри национальных научных сообществ и на международном уровне с привлечением потенциальных участников системы окажется полезным, когда наступит время переходить к практической политике.

Второй вариант приведения к «общему знаменателю» означает выделение доминирующих идей и признание их аксиоматичности³⁸¹. Из вышеприведенных предложений коллег доминирующими с точки зрения будущих систем безопасности могут быть признаны борьба с дестабилизирующей ролью НАТО и политика стратегического сдерживания Запада, в т.ч. через ядерное сдерживание; участие в коалициях с малыми и средними странами; развитие сбалансированного партнёрства с Китаем и «примаковского треугольника».

В принципе, все три направления соотносимы друг с другом при условии работы над российско-китайскими отношениями как над эталоном взаимовыгодного, всестороннего страте-

---

³⁸¹ Запад часто работал с аксиомами. Некоторые из них имели разрушительные последствия. См. размышления Ал.А. Громько: «С развалом СССР уход в глухую оборону социалистической и в целом левой мысли привёл к хорошо известным эксцессам, в том числе к утверждению о том, что крах государственного социализма, а заодно и всех форм рыночного социализма (фактически социального “смешанного” рынка), не оставляет альтернативы “государству – ночному сторожу”. На него затем нанизывались сопутствующие идеи “конца истории”, “универсальности” либеральной демократии. Именно на этой основе в аксиому стало превращаться представление о том, что институт национального государства отживает свой век, хотя несогласие с этим выражали многие авторитетные фигуры» (Громько Ал.А. Европа между кризисом и стагнацией // Европа в глобальной пересборке / под общ. ред. Ал.А. Громько. М.: ИЕ РАН; Изд-во Весь мир, 2023. С. 17.).

гического сотрудничества, которое при взаимном желании может быть реализовано с другими партнёрами; если воспринимать политику коалиций с малыми и средними странами как экспериментальную площадку и трактовать достигнутое как временное состояние, а недостигнутое как задачу-вызов для участников добиваться новых практических результатов; если ограничить сотрудничество в рамках «примаковского треугольника» узким кругом конкретных вопросов.

В связи с этим политика коалиций и партнёрств становится политикой трёх уровней (стратегического партнёрства, разноплановых коалиций, специализированного многостороннего сотрудничества), дополненной иными форматами, существующими в мире с участием России. Данная трактовка позволяет более сдержанно оценивать партнёрами нашей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе российско-китайские отношения.

В подобной парадигме Запад оказывается в положении аутсайдера, поскольку он не готов к стратегическим партнёрствам. Западные страны называют стратегическим партнёрством то, что подпадает под классификацию простых партнерств. У незападных стран появляется в руках средство давления на Запад, аккуратное использование которого может изменить содержание политики стран коллективного Запада.

Применительно к предмету нашего исследования необходимо подчеркнуть, что второй вариант также связан с эволюционным возникновением системы безопасности. Его особенности состоят в том, что одновременно формулируются принципы системности и уровневости, а партнёры являются участниками саморазвивающейся системы.

7.3. Западные варианты систем различий

В европейском сегменте западного интеллектуального пространства количество идей-предложений меньше, чем в российском интеллектуальном пространстве. Большинство из них носит адресный практический характер с акцентом на национальные приоритеты.

Совершенствование нейтрального статуса касается Швейцарии, развитие стратегического мышления и партнёрств – Австрии и Германии, готовящаяся политика расширения возможно-

стей – Италии. Поскольку западные специалисты работают на основе сформулированных приоритетов и занимаются совершенствованием национального политического инструментария, то они вряд ли готовы к равноправному сотрудничеству с представителями незападных стран.

«Общий знаменатель» идей-предложений западных коллег обусловлен изменением в их понимании партнёрства. Если раньше партнёрством считались как структурированные, связанные с участием в организациях, контакты, так и временные контакты, то теперь речь может идти только о структурированных контактах стран с общими ценностями.

Ревизия потенциала организаций, национального потенциала и перегруппировки партнёрств требует времени. Это ограничивает дееспособность западных стран. Перспективы и угрозы новых партнёрств будут очевидны, когда станут известны стратегические планы, появится возможность провести их сопоставление и анализ.

До этого времени процессы ревизии и наращивания собственного потенциала, в т.ч. и военного, продолжают оставаться основными направлениями политики западных стран. Ревизия, проводимая США, побуждает европейских союзников сомневаться в надёжности американской защиты.

Теоретически Запад должен максимально стремиться к такой системе безопасности, в которой он сохраняет преимущества, превентивно оценивает риски, способен гибко реагировать на угрозы, обладает взаимозаменяемыми компетенциями, может быстро наращивать производство и доставку материалов, вооружений, персонала, гарантировать защиту собственного населения от угроз из киберпространства и дезинформационных кампаний, оказывается в состоянии диктовать условия или изматывать контрагентов, привлекателен для сотрудничества.

Всё будет зависеть от качества западных трансформаций. С учётом этого система безопасности с участием Запада будет определяться результатами каждого из вышеприведенных трансформационных направлений, их корреляции и конвергенции, отлаженностью взаимодействия.

Если западные страны окажутся недовольными достигнуты-

ми результатами, то их интерес к созданию новой системы безопасности вне предела западного культурного круга будет незначительным при условии, что угрозы и последствия не будут «импортироваться» в Европу. И, наоборот, если результаты устроят, то другим странам придётся услышать аргументы о наличии договорных обязательств внутри западного круга стран, необходимости их учитывать и невозможности согласиться на идеи-предложения стран другого ценностного круга.

Фактически западные страны, так как речь идёт о многих государствах, строят собственную систему безопасности, слабо интегрируемую с другими системами. Характеризовать трансформации как реформы в сфере национальной обороны именно из-за состава участников неверно. Элементом внешнего фона, призванного скрыть строительство собственной системы безопасности и поддержать видимость широкого партнёрства, является, например, требование реформировать ООН.

Позиция Запада чрезвычайно уязвима, поскольку простые вопросы «Как конкретно создаваемая на Западе система безопасности будет интегрирована в другие системы безопасности?» и «В какие конкретно системы безопасности может быть интегрирована западная система безопасности?» позволят быстро прояснить ситуацию при условии, что вещи будут называться своими именами.

Таким образом, любое сотрудничество с Западом без предварительного предъявления им конкретики, конкретной системы и конкретной стратегии с перечнем договорных обязательств, мер верификации и гарантий не представляется возможным. Отказ от конкретики делает Запад недоговороспособным.

Запад намерено ставит себя в сложную ситуацию, когда привычные дипломатические переговоры и компромиссы не могут быть применены. Переговоры с Западом сводятся к принятию или непринятию его видения и интересов. Верить в то, что это окажется интересным для многих стран в мире, было бы иллюзией, как и вера в то, что безопасность, экономика и политика не связаны друг с другом.

«Вина» в этом прежде всего Запада, поскольку он, независимо от обстоятельств и угроз, выстраивает систему безопасно-

сти, переходит на стратегическое мышление и планирование. Появление у западных стран собственной системы безопасности способно превратить Запад в самообороняющуюся крепость. Принципиальное значение имеет и другое: если продолжится строительство собственной системы безопасности, то у западных политиков едва ли получится одновременно сохранять открытость и сдерживать развитие изоляционистского мышления.

7.4. Обобщающий анализ

Интеллектуальное пространство служит отражением политики стран. Идеи становятся предложениями и рекомендациями не сразу, а через промежуточную стадию идей-предложений и идей-рекомендаций. В первом случае речь идёт о не обсуждённом профессиональным сообществом содержании, индивидуальных точках зрения и интерпретациях. Во втором случае имеются в виду утвердившиеся тенденции. Работающие системы требуют тенденций.

В российском интеллектуальном пространстве доминируют идеи-предложения. В западном сообществе распространены идеи-рекомендации. Сходство происходящих процессов заключается в том, что обсуждения продолжаются. Отличие же состоит в уровне проработки и степени готовности предложений и рекомендаций.

Идеи-предложения и идеи-рекомендации лежат в основе структурных, нормативных, структурно-нормативных и ситуативных различий. Новое время и новые вызовы обуславливают возникновение новых различий, которые затем используются для разработки систем безопасности.

Было бы заблуждением полагать, что украинский конфликт завершил процесс возникновения различий. Вместе с другими процессами, конфликтами, угрозами и вызовами он лишь подготовил среду для запуска этого процесса и активизировал некоторые механизмы.

Очевидно, что появлением различий нужно управлять, фиксируя среди прочего направления обсуждения возможных вариантов систем безопасности в интеллектуальных пространствах. При этом стоит помнить, что структурно-нормативные комплексы различий нежелательны.

Поскольку системы безопасности только разрабатываются, а процессы формирования различий лишь запущены, то и западный фальстарт, скорее всего свидетельствующий о предварительной (до украинского конфликта) подготовке разрыва с Россией, не является необратимым, так как западным странам ещё предстоит работа над национальными приоритетами.

Согласно полученному результату анализа исследованного материала к обсуждению предназначено не менее трёх вариантов систем безопасности, выстраиваемых на различиях: автономный западный вариант с последующим диктатом для желающих к нему присоединиться; российский вариант многоуровневой политики коалиций и партнёрств; российский вариант с длительным обсуждением широкого круга вопросов для сотрудничества и их длительной подготовкой.

ГЛАВА 8. «КОНСЕНСУСНЫЕ СИСТЕМЫ»

8.1. Суть понятие «сходство»

«Консенсусные системы» создаются на основе общего понимания времени, его задач и реформ, т.е. на основе сходств.

Сходства также можно классифицировать на структурные, нормативные, ситуативные. В научном плане структурные и нормативные сходства представляют незначительный интерес, поскольку имеется в виду обычная дипломатическая работа. Это касается и научного изучения смешанных структурно-нормативных сходств.

Ситуативные сходства, наоборот, более значимы. Они подразделяются на частные сходства, возникновение которых оказывает только временное влияние, и на сходства с потенциалом преобразования в тенденции, т.н. прототенденции. Задачи аналитика – зафиксировать и описать прототенденции, выделить их состав и черты, отследить линии развития, своевременно определить опасности и дать прогнозы.

Из-за различной коннотации прототенденции могут преобразовываться в структурные, нормативные, структурно-нормативные различия. Они являются «строительным материалом» интеллектуального пространства. Благодаря прототенденциям

становится возможным движение идей, поддерживается интеллектуальное единство, определяется мейнстрим.

В системах различий (см. главу 7) особо оговаривать категории тенденций излишне, т.к. всякое различие априори означает принадлежность к тенденции. В «консенсусных системах» прототенденции дуалистичны, поскольку сохраняется их открытость, проявляющаяся в (само)управляемых эволюционных процессах освоения идей, содержащихся в прототенденциях.

В плане содержания сходства могут иметь позитивную и негативную (конфликтно продуцирующую) коннотацию. К негативным коннотациям в выше рассмотренном материале можно отнести выводы о стратегическом соперничестве, конфликтной и кризисной среде, перенапряжении/ослаблении великих держав, противостоянии «крепости Россия» и «крепости Запад». К позитивным – утверждения о потенциале Глобального Юга и наличии мегатрендов.

В ходе эволюционного освоения идей может оформиться либо самостоятельная тенденция как практико-ориентированный идейный комплекс, либо прототенденция растеряет свой потенциал, перейдя в разряд обычных, используемых для аргументации идей. Неуправляемый характер изменений представляет опасность. Последствия проявляются неожиданно, а сам процесс из-за неочевидности взаимосвязей отследить затруднительно.

Хотя управление развитием прототенденций не является предметом нашего исследования, необходимо отметить, что оно, в принципе, возможно. Для этого перспективные схожие идеи (сходства) следует соотносить, анализировать, систематизировать, постоянно обсуждать. Тогда они станут частью сознания и приобретут желаемую перспективу. На наш взгляд, обсуждаться в блоке сходств должны прототенденции, которые имеют позитивную коннотацию.

Сходства обладают ещё одной особенностью, на которую нужно обратить внимание: в силу объективности и потенциала идеи, лежащие в основе сходств, преодолевают границы культурных и цивилизационных рамок³⁸².

---

³⁸² См. вывод Ал.А. Громыко: «В мире существует масса вызовов, способных по-настоящему объединить подавляющее большинство человечества» (Гро-

8.2. Варианты «консенсусных систем»

Одной из конкретных прототенденций является прототенденция дифференцированного сотрудничества, выводимая из концепции мегатрендов В.Г. Егорова и В.В. Штоля.

Если рассматривать глобализацию, демократизацию международных отношений, «информационно-коммуникационную революцию», «демассовизацию (или демассификацию)» и «мега-тренд формирования регенеративной среды обитания человека» как самостоятельно реализуемые направления сотрудничества, а потенциально возможные в рамках этих направлений результаты как отличающиеся друг от друга, то предстоит вести речь о сотрудничестве на основе разных (дифференцированных) результатов и программ, то есть о дифференцированном сотрудничестве.

Если же продолжить размышлять о будущих системах безопасности, которые могли бы возникнуть с помощью этого сотрудничества, и не сводить безопасность только к военным, военно-техническим и военно-производственным аспектам, то можно будет говорить о шести интерпретациях безопасности: безопасности как защите взаимовыгодного экономического сотрудничества; безопасности как защите форм диалога между государствами; безопасности как защите информационно-коммуникативных средств и технологий; безопасности как защите системы образования; безопасности как защите окружающей среды; безопасности как комплексном феномене.

В первой системе объектом, подлежащим защите, является экономическое сотрудничество; во второй – формы контактов; в третьей – средства и технологии; в четвёртой – системы образования; в пятой – окружающая среда; в шестой – индивидуально согласованный партнёрами комплекс, в котором некоторые компоненты, представленные в других системах безопасности, могут отсутствовать. Таким образом, шестая система – это система продвинутого сотрудничества.

В первой системе целью являются обеспечение устойчивых условий экономического сотрудничества, противостояние санк-

---

мыко Ал.А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. №4. С. 20).

ционными режимам; во второй – сохранение и развитие контактов и форм взаимодействия, противостояние внешнему влиянию и деструктивным мерам; в третьей – обеспечение условий реализации программ сотрудничества в информационно-технологической сфере; в четвертой – устойчивость систем образования, противодействие влиянию извне; в пятой – выполнение программ по созданию благоприятной окружающей среды. Цель шестой системы зависит от согласованной партнёрами программы.

Угрозу в первой системе безопасности представляют не подкреплённые международным правом санкции, государства и блоки стран, иницилирующие их принятие, проводящие санкционную политику, препятствующие совершенствованию международного права в сфере международной экономической кооперации; во второй – конкретные мероприятия, препятствующие осуществлению двусторонних контактов; в третьей – препятствия согласованным межгосударственным программам, вмешательства в каналы коммуникации; в четвертой – вмешательство в образовательный процесс и его содержание; в пятой системе – препятствия, в том числе и санкции, для создания государством благоприятных условий окружающей среды.

Перечень обсуждаемых вопросов во всех потенциальных системах безопасности составляют следующие вопросы: «Что считать препятствием?», «Что считать вмешательством?», «Когда и при каких условиях препятствия и вмешательства становятся угрозами?», «Как государства могут противостоять вмешательствам и препятствиям?», «Как государства готовы противостоять вмешательствам и препятствиям?», «Как государства могут и готовы развивать сотрудничество в сфере безопасности?».

Любое направление сотрудничества на основе сходств и взаимных интересов должно предполагать наличие защитного шлейфа безопасности. Преимуществами дифференциации и диверсификации подходов к безопасности является увеличение числа партнёрств в сфере безопасности, рост количества индивидуальных программ, динамика в обсуждении комплекса безопасности, переход от оборонных к оборонно-кооперативным моделям в сфере безопасности. При этом национальные оборон-

ные программы продолжают сохраняться.

Контрагенты оказываются под давлением: им предстоит отходить от концепций, ориентированных исключительно на блоковую оборону, поскольку у них не получится обосновать защиту от опасности, если считаемая потенциально опасной держава реализует концепцию дифференцированной и диверсифицированной безопасности, имеет широкий круг партнёрств. Страны с односторонними концепциями безопасности оказываются в самоизоляции.

8.3. Обобщающий анализ.

Конфликтная среда не может существенно помешать формированию систем безопасности, построенных на сходствах, при условии, что имеются объективные мегатренды, системой будет считаться любое институциональное и плановое сотрудничество, во взаимодействии с одним партнёром будут допущены несколько систем, будет вестись плановая работа по развитию каждой системы и их постепенной конвергенции.

Данный подход требует иной подготовки дипломатических работников, которые должны помимо добротного знания истории международных процессов, истории дипломатии, иметь компетенции и опыт программно-проектного менеджмента, хорошую психологическую подготовку, уметь при необходимости выступать в роли антикризисного управленца и психолога, а главное – мыслить комплексно. Обучение по специальностям теряет своё значение.

Обучающиеся должны привыкнуть работать во временных коллективах, образуемых под решение конкретных задач. Допускается соревнование между коллективами. Должна производиться оценка промежуточного и итогового результата, корректироваться (в ходе работы и по результату) персональные составы.

Необходимо отойти от временных учебных моделей (например, часто практикуемой в вузах России модели ООН) и перейти на старших курсах на постоянные модели, воспроизводящие работу ведомств и организаций. Эффективность, мобильность, гибкость и результат должны стать главными показателями оценки успеваемости. Проверка знаниевой составляющей на стар-

ших курсах – отживший феномен, поскольку без глубоких знаний обучающий не сможет добиться эффективности и результата, а мобильность и гибкость будут представлять собою лишь бессодержательную хаотичность.

Конфликтную среду нужно воспринимать как вызов для поиска нестандартных решений и отнюдь не как устойчивый феномен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в российской политологии представлено несколько направлений поиска будущих систем безопасности. Пока он идёт автономно, отсутствует его систематизация.

Количество обсуждаемых тем и проблем отличает российскую политологию от западноевропейской политологии. Западные коллеги официально сориентировались на стратегию защиты от «авторитарных государств», и, по всей видимости, не отойдут от неё в среднесрочной перспективе. На самом деле в экспертном сообществе западных стран отсутствует общий нарратив. Интеллектуальное пространство Запада не едино.

Это открывает для отечественной политологии дополнительные возможности, поскольку системы безопасности могут возникать как на сходствах, так и на различиях. Смешанные системы безопасности, в которых одновременно присутствуют сходства и различия, – отдельная тема исследования.

В современных условиях предпосылками успеха является понимание национальных возможностей, возможностей партнёров и контрагентов, что наряду с систематизацией российских исследований предполагает тщательный анализ работ коллег не только в Европе, но и в Азии. Данный анализ позволит лучше очертить направления поиска будущих систем безопасности.

Нерешёнными остаются вопросы о составных частях систем безопасности, об их взаимосвязи и отношениях между ними в промежуточных эволюционных и управляемых целостностях, о сценариях влияния систем на среду и среды на системы.

С учётом того, что применительно к системам общества и государства системы безопасности могут выступать в качестве

подсистем или субсистем, отдельной темой является изучение проблемы сбалансированного общественно-политического развития и безопасности.

Самостоятельным направлением работы становится анализ иерархичности, открытости, сохранения интереса к развитию систем безопасности, процессов согласования компромиссов и принятия эффективных решений, поддержания целенаправленности. Без определения целей системный анализ затруднителен.

Безопасность – это создаваемый и управляемый феномен. Региональная безопасность и её элементы стали производными от субрегиональной и международной безопасности. Следовательно, политику безопасности целесообразно мыслить как национальную, субрегиональную и международную. В каких-то аспектах будет пересечение, какие-то аспекты будут отличаться. Политологический анализ должен прежде всего затронуть субрегиональные и международные аспекты.

Однако стоит не забывать важную мысль Ан.А. Громыко и Ал.А. Громыко о том, что «[м]ировое сообщество живёт и действует в условиях погони за концепциями мирового порядка, многие из которых, возникнув на горизонте дипломатии и общественных наук, затем быстро забываются. Эти поиски неразрывно связаны с изменением баланса сил в мировой политике. Однако помимо соотношения потенциалов великих держав стержневую роль в развитии международной системы и поддержании её жизнеспособности играет сила права, воплощённая в ООН и её Уставе»³⁸³.

Возвращаясь к мысли Л.Н. Толстого, вынесенной в эпиграф, необходимо также заметить: совместными усилиями можно приблизиться к пониманию «абсолютной непрерывности движения», а значит – можно попытаться избежать некоторых человеческих заблуждений и научиться управлять общественным движением. Тем более движение к будущим системам безопасности только началось.

---

³⁸³ Громыко Ан.А., Громыко Ал.А. Демократический миропорядок: утопия или реальность? / Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. №1. С. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбатов А.Г. Многосторонний стратегический диалог: дилеммы и препятствия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №7. С. 5–21. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-5-21
2. Балюк И.А., Балюк М.А. «Бреттон-Вудс 2.0: на пути к новой мировой финансовой архитектуре» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. №3. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-3-5-14
3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Кирюшин П.А. Крах глобальной модели потребления: в поисках устойчивости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. №11. С. 92–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100
4. Богатуров А.Д., Лебедева О.В. Эволюция миропорядка и представлений России о внешнем мире // *Международная жизнь*. 2023. №9. С. 24–31.
5. Богданов К.В. Эскалационные риски многосферных операций // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №4. С. 29–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-29-39
6. Бордачёв Т.В. Декомпозиция искусства: историософия российской внешней политики // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, №2. С. 132–149.
7. Гребенщиков В.Э. Тенденции и перспективы развития системы международных отношений // *Международная жизнь*. 2022. №12. С. 12–15.
8. Громыко Ал.А. БРИКС – конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // *Аналитические записки ИЕ РАН*. 2024. Вып. IV. С. 13–19. DOI: 10.15211/analytics42420241319
9. Громыко Ал.А. Европа между кризисом и стагнацией // *Европа в глобальной пересборке / под общ. ред. Ал.А. Громыко*. М.: ИЕ РАН; Изд-во Весь мир, 2023. С. 13–25.
10. Громыко Ал.А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12, №4. С. 15–21. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-15-21

11. Громыко Ал.А. Мировая пересборка: эмпирические данные в концептуальном поиске. Европейский ракурс // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2023. Т. 16. Вып. 3. С. 209–225. DOI: 10.21638/spbu06.2023.301
12. Громыко Ан.А., Громыко Ал.А. Демократический миропорядок: утопия или реальность? // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2018. №1. С. 5–19.
13. Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. Трансатлантизм в контексте заката глобализации: дискуссии в США // Мировая экономика и международные отношения. 2023. №8. С. 60–69. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-60-69
14. Гулянец В.В. Синергия ШОС и БРИКС: консолидация западного мира // Международная жизнь. 2024. №4. С. 30–35.
15. Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического альянса: «вакцина» Байдена // Современная Европа. 2021. №5. С. 19–31. DOI: 10.15211/soveurope520211931
16. Данилов Д.А. Россия – ЕС: диалог без диалога // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. №2. С. 7–15. DOI: 10.15211/vestnikieran22021715
17. Дмитриев О.А., Евстафьев Д.Г. Глобальная конкуренция ценностей: от «постправды» к «постреальности» // Международная жизнь. 2024. №7. С. 12–23.
18. Дмитриченко А.И. Беспольярность как промежуточный этап на пути к многополярности? // Международная жизнь. 2023. №3. С. 4–9.
19. Дугин А.Г. Иллиберализм в международных отношениях // Международная жизнь. 2023. №12. С. 52–59.
20. Дугин А.Г. Новый многополярный порядок: гептархия и ее смыслы // Международная жизнь. 2023. №9. С. 4–13.
21. Европа между трёх океанов / под общ. ред. Ал.А. Громыко и В. П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. 608 с.
22. Егоров В.Г. Россия и евразийская идентичность // Международная жизнь. 2024. №5. С. 66–75.
23. Егоров В.Г., Штоль В.В. Глобальные мегатренды: актуальное прочтение // Международная жизнь. 2023. №2. С. 64–75.

24. Егоров В.Г., Штоль В.В. Кризис цивилизации и новый мировой порядок // *Международная жизнь*. 2022. №10. С. 58–69.

25. Иванов О.П. Американский взгляд на стратегическое соперничество и роль военной силы // *Обозреватель – Observer*. 2024. №2. С. 27–36. DOI: 10.48137/2074–2975_2024_2_27

26. Иванов О.П. Стратегия НАТО в условиях меняющейся среды международной безопасности в Европе // *Обозреватель – Observer*. 2024. №3. С. 16–27. DOI: 10.48137/2074–2975_2024_3_16

27. Ильницкий А.М. Цивилизационная война – воля к победе // *Международная жизнь*. 2024. №3. С. 34–41.

28. Истомин И.А., Неклюдов Н.Я., Сушенцов А.А. Вперёд в прошлое? Возвращение истории // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, № 5. С. 38–54.

29. Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество / отв. ред. Е.С. Алексеенкова. М.: ИЕ РАН, 2024. 152 с. DOI: 10.15211/report62024_412

30. Миловидов В.Д. «Зловещая долина» устойчивости: продолжит ли мировая экономика расти? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №5. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-5-5-15

31. Оганесян А.Г. Ядерная доктрина – «живой инструмент» // *Международная жизнь*. 2024. №6. С. 8–15.

32. Окунев И.Ю. Мировые порядки и беспорядки // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, №3. С. 10–18.

33. Караганов С.А. Век войн? Статья первая // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, №1. С. 52–64.

34. Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, №2. С. 37–52.

35. Караганов С.А. От не-Запада к Мировому большинству // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, №5. С. 6–18.

36. Кашин В.Б. Первый год большой войны // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, №3. С. 10–21.

37. Кашин В.Б., Сушенцов А.А. Большая война: из прошлого в настоящее // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, №6. С. 100–118.

38. Лебедева О.В., Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» // *Международная жизнь*. 2023. №3. С. 10–19.
39. Лукьянов Ф.А. Неожиданный индикатор перемен // *Россия в глобальной политике*. 2022. Т. 20, №4. С. 5–8.
40. Лукьянов Ф.А. Шире круг! // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21. №5. С. 5–8.
41. Панюжева М.М. Евразия на пути к новому миропорядку // *Обозреватель – Observer*. 2023. №2. С. 62–77. DOI: 10.48137/2074–2975_2023_2_62
41. Подберёзкин А.И. Будущее миропорядка до 2035 года // *Обозреватель – Observer*. 2023. №6. С. 22–41. DOI: 10.48137/2074–2975_2023_6_22
42. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Поиск новой стратегии франко-германского тандема: внутривосточные факторы // *Современная Европа*. 2024. №1. С. 24–38. DOI: 10.31857/S0201708324010029
43. Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. Франко-германский тандем и модернизация ЕС // *Аналитические записки ИЕ РАН*. 2024. Вып. II. С. 34–41. DOI: 10.15211/analytics21220243441
44. Сучков М.А. Адаптивное лидерство в условиях «двойного сдерживания»: образ действия США в меняющемся миропорядке // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №11. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-5-14
45. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. №4. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16
46. Тренин Д.В. Не «против», а «за» // *Россия в глобальной политике*. 2023. Т. 21, №5. С. 56–68.
47. Тренин Д.В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22, №4. С. 74–86.
48. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. №11. С. 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13
49. Фролов П.В. Большая игра, или Борьба за новый мир //

Международная жизнь. 2024. №6. С. 4–7.

50. Чернявский С.И. Швейцария – новое прочтение нейтралитета // Мировая экономика и международные отношения. 2024. №4. С. 26–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-4-26-34

51. Alexa A. (Hrsg.) Streitkräfte: Quo Vadis. Tagungsband der Militärwissenschaftlichen Tagung 2022 «Militär.Schafft.Wissen». Wien: Landesverteidigungsakademie, 2023. 225 p.

51. Beisheim M. Auf dem Weg zum Zukunftspakt der Vereinten Nationen // SWP-Aktuell. 2024. N20. 8 p.

52. Bericht der Studienkommission Sicherheitspolitik. Bern: Premedia, 2024. 65 p.

53. Böttcher M., Brozus L. (Hg.). Weltpolitische Unwägbarkeiten: Erkundungen der Zukunft. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. 50 p.

54. Dengg A., Klerx J., Mak K., Peer A. Zukünftige Technologien im Kontext hybrider Bedrohungen. Wien: Landesverteidigungsakademie, 2023. 96 p.

55. Frank J. Zur Rolle des Bundesheeres in der Außenpolitik der Zweiten Republik. Wien: Landesverteidigungsakademie, 2022. 101 p.

56. Fritz P., Steckel D. Mindset LV/BV: Das geistige Rüstzeug für die Bundeswehr in der Landes- und Bündnisverteidigung // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N9. 4 p.

57. Fuhrmann J. Ein Kompass für die Zeitenwende: Die Bundesregierung auf dem Weg zur nationalen Sicherheitsstrategie // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N3. 5 p.

58. Hauser G. Das europäische Sicherheits- und Verteidigungssystem und seine Akteure. Wien: Landesverteidigungsakademie, 2024. 131 p.

59. Hefele P. Mehr Realismus und Fantasie: Gedanken zu einer zukünftigen deutschen China-Politik // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N4. 5 p.

60. Huterer M., Pepe J.M., Schmitz A. Deutsche Zentralasienpolitik nach der «Zeitenwende»: Herausforderungen und Gestaltungsmöglichkeiten einer strategischen Partnerschaft // SWP-Aktuell. 2024. N30. 8 p.

61. Janning J. Zeit zu handeln! Es braucht eine deutsche Strate-

gie für Europa // DGAP-Kommentar. 2024. N2. 8 p.

62. Kaim M., Kempin R. Die Neuvermessung der amerikanisch-europäischen Sicherheitsbeziehungen: Von Zeitenwende zu Zeitenwende. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. 36 p.

63. Kamp K.-H. Den nuklearen IQ Deutschlands stärken: Ein Plädoyer für mehr Realismus und eine besser informierte Debatte // BAKS: Arbeitspapiere. 2024. N2. 6 p.

64. Lippert B., Mair S. (Hg.) Mittlere Mächte – einflussreiche Akteure in der internationalen Politik. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. 94 p.

65. Loss R. Welches Dach über Europa? Bodengebundene Luftverteidigung nach der Zeitenwende // BAKS-Arbeitspapiere. 2024. N3. 7 p.

66. Lukas S., Paradies M. Düstere Aussichten für den Nahen Osten: Russlands Angriffskrieg und seine Folgen für die regionale Ernährungssicherheit // BAKS: Arbeitspapiere. 2022. N2. 4 p.

67. Lübke E. Die Vermessung europäischer Souveränität Analyse und Agenda. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. 39 p.

68. Major C., Mölling C. Zum Zaudern keine Zeit // IP Spezial. 2023. N2. P. 4–11.

69. Matlé A. Die neue strategische Ausrichtung der USA. Worauf Deutschland besonders achten sollte // BAKS-Arbeitspapiere. 2023. N1. 4 p.

70. Matlé A. Eine Neubetrachtung der Lastenteilung. Was Europa tun kann, um die USA von weiterer militärischer Unterstützung zu überzeugen // DGAP-Policy Brief. 2024. N6. 7 p.

71. Matlé A., Gers H. Ein Gespenst geht um in der NATO: Die Zukunft von US-Sicherheitsgarantien für Europa // DGAP-MEMO. 2024. N8. 4 p.

72. Mölling C., Schütz T. Eine Industriepolitik für die Rüstung: Was Deutschland tun muss, um die Versorgung seiner Streitkräfte zu sichern // DGAP-MEMO. 2024. N5. 4 p.

73. Münch P. Der Zusammenbruch der Afghan National Army: Folgerungen für den Aufbau von Partnerstreitkräften // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N1. 5 p.

74. Nickel R. Gemeinsam sind wir stärker: Die Chancen der

deutsch-polnischen Beziehungen // Internationale Politik. 2023. N2. P. 112-113.

75. Overhaus M., Thimm J. Die USA auf dem Weg in die Systemkrise. Warum demokratische Institutionen erodieren // SWP-Aktuell. 2024. N16. 8 p.

76. Puglierin J. Der Strategische Kompass. Ein Fahrplan für die Europäische Union als sicherheitspolitische Akteurin // BAKS-Arbeitspapiere. 2022. N7. 5 p.

77. Rudloff B. Wirtschaftliche Resilienz: Kompass oder Catchword? Welche Fallstricke und Folgeeffekte die EU im Krisenmanagement beachten muss. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. 37 p.

78. Sakaki A. Japans Zeitenwende: Neue Chancen für die Zusammenarbeit mit Europa // BAKS: Arbeitspapiere. 2023. N2. 6 p.

79. Schneider J., Arnold T. Gewichtig und richtig: weitreichende US-Mittelstreckenwaffen in Deutschland // SWP-Aktuell. 2024. N36. 4 p.

80. Stanzel A., Hörning C. Deutscher Balanceakt im Indo-Pazifik: Geostrategische Herausforderungen und Möglichkeiten für die Bundesrepublik // SWP-Aktuell. 2022. N64. 4 p.

81. Tull D.M. Ad-hoc-Koalitionen in Europa. Der Sahel als Katalysator europäischer Sicherheitspolitik? Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2022. 33 p.

82. Tull D.M. Wie weiter in der Sahelpolitik? Zielkonflikte und begrenzte Handlungsoptionen // SWP-Aktuell. 2024. N19. 8 p.

83. Voelsen D. (Hg.) Maritime kritische Infrastrukturen: Strategische Bedeutung und geeignete Schutzmaßnahmen. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, 2024. 89 p.

ОБ АВТОРЕ

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института Европы РАН. Автор 5 монографий. С 2018 по 2023 г. опубликовал более 20 статей в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus; 26 статей в журналах, рекомендованных ВАК РФ, из них по проблемам европейской безопасности – более 40 статей. Общее количество статей в остальных журналах, сборниках и глав в коллективных монографиях с 2018 по 2023 год – 28.

ABOUT THE AUTHOR

Alexei A. Sindeev – Doctor of Sciences (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. Author of 5 monographs. From 2018 to 2023, published 20 articles in journals included in the international databases Web of Science and Scopus; 26 articles in journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Of these, 40 articles on European security issues. The total number of articles in other journals, collections and chapters in collective monographs from 2018 to 2023 is 28.

**В 2022–2024 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

397. Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета). Отв. ред. В.П.Журавель. ДИЕ РАН №397. М., 2022 г.
398. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе. Отв. ред. Е.Г.Энтина. ДИЕ РАН №398. М., 2023 г.
399. Британия-2022: смена премьеров, смена монарха. Отв. ред. О.В.Охошин. ДИЕ РАН №399. М., 2023 г.
400. Германия. 2022. Часть 1. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №400. М., 2023 г.
401. Германия. 2022. Часть 2. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №401. М., 2023 г.
402. Ю.И.Рубинский, А.А. Синдеев. Эволюция франко-германского тандема. ДИЕ РАН №402. М., 2023 г.
403. Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты. Отв. ред. П.В.Осколков. ДИ РАН №403. М., 2023 г.
404. Новые явления в экономике Европы. Отв. ред. А.И.Бажан. ДИЕ РАН №404. М., 2023 г.
405. Вишеградские страны на фоне украинского кризиса. Отв. ред. Л.Н. Шишелина. ДИЕ РАН №405. М., 2023 г.
406. Диалог власти и гражданского общества (европейский опыт). Отв. ред. А.А.Канунников, Р.Н.Лункин. ДИЕ РАН №406. М., 2023 г.
407. Р.М.Плюснин. Финляндия в мировой торговле. Факторы интеграции и глобализации. ДИЕ РАН №407. М., 2024 г.
408. Германия. 2023. Отв. ред. В.Б.Белов. ДИЕ РАН №408. М., 2024 г.
409. Н.М.Межевич, В.В.Шимов. Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. ДИЕ РАН №409. М., 2024 г.
410. П.Е.Кандель. О «постполитике» в эпоху «постнауки». Новые тенденции в электоральных процессах в странах Юго-Восточной Европы. ДИЕ РАН №410. М., 2024 г.
411. Энергетика Большого Средиземноморья. Отв. ред. Е.Г.Энтина. ДИЕ РАН №411. М., 2024 г.
412. Италия в кризисном мире: политика, экономика, общество. Отв. ред. Е.С.Алексеевкова. ДИЕ РАН №412. М., 2024 г.
413. Этничность, миграционные и электоральные процессы в современной Европе. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН №413. М., 2024 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2022–2024

397. Politics, economics and security of the modern Arctic (to the 25th anniversary of the Arctic council). Ed. by V.P.Zhuravel. Reports of the IE RAS, №397. M., 2022.
398. «Soft power» in the Black Sea – Mediterranean region. Ed. by E.G.Entina. Reports of the IE RAS, №398. M., 2023.
399. The UK-2022: change of prime ministers, change of monarch. Ed. by O.V.Okhoshin. Reports of the IE RAS, №399. M., 2023.
400. Germany. 2022. Part 1. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №400. M., 2023.
401. Germany. 2022. Part 2. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №401. M., 2023.
402. Yu.I.Rubinsky, A.A.Sindeev. Evolution of the Franco-German tandem. Reports of the IE RAS, №402. M., 2023.
403. Ethnic politics: conflict, migration, and electoral process. Ed. by P.V.Oskolkov. Reports of the IE RAS, №403. M., 2023.
404. New developments in the European economy. Ed. by A.I.Bazhan. Reports of the IE RAS, №404. M., 2023.
405. Visegrad countries against the backdrop of the Ukrainian crisis. Ed. by L.N. Shishelina. Reports of the IE RAS, №405. M., 2023.
406. Dialogue of power and civil society (European experience). Ed. by A.A.Kanunnikov, R.N.Lunkin. Reports of the IE RAS, №406. M., 2023.
407. R.M.Plyusnin. Finland in world trade. Factors of integration and globalization. Reports of the IE RAS, №407. M., 2024.
408. Germany. 2023. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, №408. M., 2024.
409. N.M.Mezhevich, V.V.Shimov. Belarus: transformation and modernization. Results of post-soviet development. Reports of the IE RAS, №409. M., 2024.
410. P.E.Kandel. About «post-politics» in the era of «post-science». New trends in electoral processes in the countries of South-Eastern Europe. Reports of the IE RAS, №410. M., 2024.
411. The energy issues of the Greater Mediterranean. Ed. by E.G.Entina. Reports of the IE RAS, №411. M., 2024.
412. Italy in the turbulent world: politics, economy and society. Ed. by E.S.Alekseenkova. Reports of the IE RAS, №412. M., 2024.
413. Ethnicity, migration and electoral processes in contemporary Europe. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, №413. M., 2024.

Научное издание

А.А. Синдеев

**ПОДХОДЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЛИТОЛОГОВ
К БУДУЩИМ СИСТЕМАМ БЕЗОПАСНОСТИ**

Монография

Доклады Института Европы
№ 414

Подписано в печать 30.11.2024. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,75
Тираж 500 экз. Заказ № DC_057

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96
E-mail: europe-ins@mail.ru, web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Типография Форпринт»
г. Москва, ул. Брянский пост, д. 5А.
тел.: +7 (495) 211-38-33